

Елена Лазарева

В полный голос

**Санкт-Петербург
2016**

ББК 84
УДК 821.161.1-1
Л – 17

В полный голос: стихи – СПб, 2016, – 100с.

Лазарева Елена Валерьевна родилась в 1981 году в городе Дружковка Донецкой области. Книга «В полный голос» – первая книга автора, ранее её стихи публиковались в литературных альманахах и периодических изданиях Украины. Пишет стихи с 12 лет, но к 20-ти годам пришло осознание, что это – главное дело жизни: «Всё, что имеет ценность – любовь и поэзия». В течение десяти лет Елена работала журналистом, в настоящее время проживает в Киеве, работает в сфере, не имеющей отношения к творчеству, но дающей возможность наблюдать жизнь и познавать себя. Потому что стихи, по её мнению, не приходят извне: «Они – оттуда, изнутри». При всей любви к Киеву – искренне влюблена в Петербург, с которым связаны лучшие воспоминания жизни.

© Лазарева Е., 2016, стихи 2016
© Токажевская М., рисунки, 2016
© Брагин И., обложка, 2016

О неглавном

*... Я всё-таки смогу. Я всё-таки взлечу.
И, может, разобьюсь, но в тот же миг воскресну.*

Елена Лазарева

Киевское

Я люблю этот город мостов, мостовых, куполов,
 Переходов, где можно спастись – от дождя и не только...
 Об апрельское небо ладони себе исколов,
 Возвратимся в него же – из чувства родства, а не долга,
 И забудем о многом, чего не понять небесам,
 И прижмёмся друг к другу, щадя обнажённые души.
 Но запомнится город, где каждый стоит на весах –
 Он придирчиво смотрит на нас и, пленяя, не душил.

Так привольно ему отражаться в жемчужной воде,
 Лишь на миг ослепляя огнями всевидящих окон...
 Этот город меня и тебя не покинет в беде,
 Заклячая в объятья свои, словно в шёлковый кокон.
 А ещё я люблю лабиринты морщинистых стен,
 Что впитали и дух старины, и дыхание тайны.
 Эту тайну в себе сохраним на любой высоте –
 Так приметыв свои берегут легкокрылые стаи.

И неважно, потомки каких отдалённых земель
 Причастились днепровской водой, очищаясь от скверны.
 Мы взлетали не раз, многократно садились на мель,
 А на грани ухода ко дну присягнули на верность
 Площадям, переулкам, каштанам, утробе метро
 И уютным дворам, и кольцом обступающим соснам...
 В этом городе мы наломали порядочно дров,
 Но земля ещё держит, и строить свой замок – не поздно.

Пусть воздушным окажется – нам ни к чему на века,
 Здесь довольно великих, чья участь – нетленная память.
 ...Я у всех на виду обнимаю тебя – привыкай,
 И брусчатка колышется мерно у нас под стопами.

О неглавном

Комната – как табакерка, где прячется чёрт.
 К сердцу депрессия мерно по венам течёт.
 Выжившим, кто вдохновился – хвала и почёт.
 В поисках слов моветон расковыривать раны.
 В топку слова. Выпадаю из чинных рядов.
 Я вырастаю из песен, людей, городов.
 Люди волочатся следом – и вот парадокс:
 Став пустотой, продолжают общаться на равных.

Я не из тех, у кого океан за кормой...
 Ржавые цепи скрипят, будто стонет гармонь,
 И наставляють: «Поэзия – то же дерьмо,
 Что и торговля каким-то недвижимым брендом».
 Я обижаюсь. Не верю. Кропаю стихи.
 Здесь предсказуемо робок характер стихий.
 Осень то в луже, то в облаке свой мастихин
 Нервно полощет, и сладостны мысли о бренном.

Надо на что-то решаться. Куда-то бежать.
 Хочется, чтобы пылал на верхушках пожар,
 Или хотя бы без боли хотелось нажать
 Кнопочку с пафосной надписью «Перезагрузка».
 Я понимаю, что головы рубят с плеча.
 Словно всерьёз примеряю костюм палача.
 Если глухие вокруг – остаётся молчать,
 Не по-английски, а как-то уж слишком по-русски.

Культа иллюзий приверженцы смотрят кино,
 В чёрную пятницу лезут не в дверь, так в окно,
 В серых застенках, обтянутых ветхим сукном,
 Мечется призрак творцом обесцененной славы.
 Мне всё равно, что останется после меня.
 Поздно – и просто не хочется что-то менять.
 Глянцевым блеском надежды кого-то манят.
 Я – закрываю окно. И пишу о неглавном.

Осень

Уже октябрь вступил в свои права,
А человек – по-прежнему, бесправен.
Темнеет одиночества провал
В напыщенности глянцевого оправе.

Мне говорят, что нужно быть «как все»,
А также «проще», «выше» и «мудрее»...
Сухова осень в средней полосе,
И небо утомлённое не греет.

На нём дрожит от холода звезда,
От голода – уже почти потухла.
Наверное, не время созидать,
А время – гордо нищенствовать духом.

Но мы с тобой без нищенства горды,
Что не по нраву здешним демиургам.
Окутывает город кислый дым,
В котором вязнет ласковая ругань –

Иначе здесь не принято ласкать.
И, собственно, гордиться тоже нечем.
Сливово-терпких сумерек каскад
Ложится на обугленные плечи

Деревьев, опалённых глубиной
Предсмертной вседозволенности пасти.
Бокалы не звенят уже давно –
Альтернативой стал дешёвый пластик.

Природа безотраднее, как притон,
Манящий сластолюбца буйством красок.
И мозг сверлит назойливый рингтон
Соседа, опоздавшего на праздник,

Почившего бездарнее, чем жил...
...Не покидает чувство и поныне,
Что дряхлый мир запутался во лжи,
Как жёлтый лист в осенней паутине.

Три десятых

Почему бы не спеть о прогулках при полной луне,
И о том, как влюбляются дуры в красивых парней?

Я из той же когорты – в любви безнадежно глупа...
Сколько нужно прожить, чтобы занавес тихо упал,

Разделяя судьбу на сакральное «после» и «до»?
Не беда, что за кадром остались огни городов.

Я за свет не плачу. Горячительным душу лечу.
А не проще ли сразу доверить себя палачу?

Тридцатое царство... Стою на распутье – одна,
И знакомая надпись на камне уже не видна.

Три десятых пути бестолково, бездарно прошла.
Оглянулась: а я ведь, по сути, ещё не жила...

Свежей мякотью мятного мёда мазнув по губам,
Мимолётное счастье коснулось горячего лба.

И похмельной тоской грациозно змеится слеза,
Ничего не струсилось – просто я не вернулась назад...

Так бывает, когда распрямляется сжатый металл,
И бездушное время убито в бою наповал.

Ни о чём не жалея, не кланча тепла у небес,
Я устало иду по дороге, ведущей к тебе,

И уже вместо солнца – ромашки в моём рюкзаке,
Избавляясь от хлама, учусь доживать налегке.

Три десятых – под хвост кровожадному Гончому Псу.
Три десятых – а я несусветную ересь несу...

Сигаретным дымком растворяется кружево дней,
Беззаботно влюбляются дуры в красивых парней.

Я с обложкой стихов – босоногая – наперевес.
Тридцатое царство. И нужно успеть – позарез...

Судьба поэта

Когда слова не для красоты,
 Когда печаль не для забавы,
 Твоя судьба – дурная слава,
 Твоя слеза – сестра росы.

Когда душа твоя горит,
 И Дантов ад манит прохладой,
 Иди на сцену – без бравады,
 Но никому не говори

О том, куда ведут мечты,
 О том, чем сердце успокоят...
 Среди поэтов мы – изгой,
 Среди изгоев мы – шуты.

Когда войска одной страны
 Бесславно гложут кости мира,
 Поэт не может быть кумиром,
 Певцом единственной струны.

Когда любимое плечо –
 Твоя последняя опора,
 Рождают истину не споры –
 Не нанимайся палачом.

Изобличая, не кори
 Раба – за страх, за праздность – Бога.
 Насквозь прогнившая эпоха
 Сама себя приговорит.

Не будь ни чёртом, ни святым,
 Не верь толпе, лихой на подкуп.
 Не поливай кровавым потом
 Бессмертной мудрости цветы.

Обиду в сердце не тая,
 С котомкой песен за спиною
 Шагай по жизни. Остальное –
 Уже забота не твоя.

Чёрный тюльпан

Вначале твоя душа
 Прозрачными лепестками
 Ласкает небесный свет,
 И кажется – не печёт.
 И молится, чуть дыша...
 Господь, как заправский Каин,
 Смеётся тебе в ответ:
 Неправильно, незачёт.

Смятение. Пустота.
 Прозрение – и тревога.
 Спасение – утопать,
 Пока не коснёшься дна.
 Кружение – просто так,
 В надежде найти дорогу,
 Ходьба по чужим стопам,
 Попытка себя поднять.

А после, забив на всё,
 Творить – до потери пульса,
 Творить, постигая смысл
 В бессмысленной суете.
 Ни Бродского, ни Басё,
 Ни модных поветрий буйства –
 Омытый дождями мыс,
 И Космос, где ты – везде,

Хоть место твоё – в углу,
 А жизнь – как турнир по гребле...
 На свежий рубец – ожог,
 Ни истины на потом.
 И ты прорастаешь вглубь,
 Качаясь на тонком стебле,
 Закутавшись в чёрный шёлк –
 Закрытый для всех бутон.

Транзит

Перекрёстки-квартиры, где ночует надежда,
И усопшая совесть воскресает на миг...
Я сминая усталость камуфляжной одеждой.
Умолчание плоти. Тишины динамит.

Одиноким патроном уцелею в обойме,
Но отсроченный выстрел – благовидный предлог,
Молчаливая тризна по тому, кто не пойман,
Чьё гранитное сердце не задето стрелой.

Переулки-балконы, коридоры-окопы,
Сокровенные крыши, чердаки-блиндажи...
А Вселенная, словно накануне потопа,
Обречённо застыла, от испуга дрожит.

Поседевшее небо ни о чём не попросит,
Содрогнутся деревья в ожидании вьюг...
Между нами петляет непутёвая осень,
И с похмелья рыдает, и уходит на юг.

У ноябрьской погоды неказистая внешность –
Перекишей прохладой упоённо дыши.
Я тебе благодарна за транзитную нежность,
За ожог на стеклянной роговице души.

Расползается вечер студенистой амёбой
И развёрнута скатерть на двенадцать персон,
А твои поцелуи, словно водка по нёбу,
Согревают и дарят утешительный сон –

Я в него погружаюсь и бегу без оглядки,
И молюсь непрерывно о своём палаче...
Коммунальное пекло так уютно и сладко,
Будто точка опоры у тебя на плече.

И ни капли обиды за предавшую волю,
Погружённую в кому, дезертирам – почёт.
Я тебя выдыхаю перечёркнутой болью,
В пересохшей гортани и горчит, и печёт.

И внебрачное ложе, и часов кастаньеты,
По устам – забродивший замороженный сок.
... Мы проездом на этой захолустной планете –
Самовольно решили заглянуть на часок...

Дорога

Снимает зима порыжелый скальп
С верхушек деревьев нежно.
Дорога, которую ты искал,
Завалена пеплом снежным.

С насмешкой метель завывает: «Ишь,
Попался какой упрямый!»
А ты на распутье один стоишь:
Направо, налево, прямо?

Сгибаясь под гнётом вселенских бед,
Отвергнув доспех из фальши,
Настойчиво ищешь в себе ответ –
Куда, ну куда же дальше?

Ты молод. Высоких материй шёлк
Лежит на челе вуалью.
Дорога, которую ты нашёл –
Твоя ли она? Твоя ли?..

Всё те же деревья. Всё тот же лес.
Дыханием пальцы греешь.
На карте – отнюдь не страна чудес,
А ты – не Иван-царевич.

Метель подгоняет – вперёд, вперёд!
И где-то за поворотом
Дорога, которую ты берёг,
Настойчиво ждёт кого-то.

Она ускользает. И смотришь вслед
Без жалости, но с печалью.
А там, в отдалении, виден свет.
В конце? Или нет, вначале?

И слёзы бегут, как январский дождь...
С тобой в неразрывной связке
Дорога, которую ты пройдёшь –
Когда-нибудь в новой сказке.

Кредо

Морозящие сны. Добровольный домашний арест.
Коммунальный «Дом-2» – причитания брошенной дуры.
Ты остался один. Одиночество – это не крест,
Это – знамя победы над пошлой родной конъюнктурой.

Полбутылки вина. Бутерброды. Какая-то дрянь.
А вокруг – пустота. Просто так – без намёка на вечность.
Проще вызвать грозу, чем подняться – в такую-то рань...
Ты глядишь на себя, уходящего в небо по встречной.

Разгоревшись едва, к завершению движется век,
И незбылем пока установленный кем-то порядок.
Ты – всего лишь, поэт. Бесполезный в быту человек.
И пощады не жди от святого копателя грядок.

Ожидание – бред. Бесплезная трата себя.
Нищета и насмешки – удел современных пророков.
От болотных огней, что не греют, но всё же спелят,
Не пытайся бежать – только так обретают дорогу.

Только так – никому не молясь, ничего не боясь,
Доверяя себе, сотворённому Господом Богом...
В панораму Вселенной вползает хрупкая вязь
Возрождённой души – не раба оболочки убогой.

Не пристало стонать: мол, ослепли глаза от войны.
Обнажилось нутро – чтобы истину чувствовать кожей.
И неправда, что жизнь – это комплекс наследной вины.
И неправда, что в ней ты по статусу – просто прохожий.

Выбивают часы монотонную мерную дробь.
С полпути не свернуть – присягают на верность однажды.
Ты идёшь по земле, никому не обязан по гроб,
Анонимный герой из числа поневоле отважных.

Перейдён Рубикон. Обесценен здоровый расчёт,
Материнский упрёк и посуды церковей златоглавых...
Ты по жизни – Поэт. И за это заочно прощён.
Только совесть и честь не меняй на минутную славу.

P. S.

Я сегодня пьяна, и зализаны раны
До зеркальных рубцов, до горчинки во рту,
Указатель на дно – запотевшие грани,
По которым скользит виноградная ртуть.

Километры стихов и дежурный квартирник:
Я читаю и пью, и чего-то ещё...
А потом – пустота с переходом в пустырник,
Заскорузлая боль... Остальное – не в счёт.

Безучастны глаза, как потухшие окна,
И сурова судьба, будто баба с веслом...
Выживаю назло, чтобы гордо издохнуть,
Продолжаю обстрел – выдыханием слов.

А на мне ярлыков – будто марок акцизных...
Пламенеет мечты продырявленный флаг,
Тяготит суета – имитация жизни,
Раздражает возня в захламлённых углах.

Окружают меня добродушные люди,
Говорят о еде и о судьбах страны...
Замолкаю на миг, но упрямая лютия
Умоляет играть, и аккорды верны.

Я устала хмелеть, надышавшись на ладан,
Промывая слезой воспалённые швы,
Но не надо сверлить всепрощающим взглядом –
Проникающим вглубь и почти ножевым.

Одиночество – дар и обычная плата
За возможность любить, выгорая дотла...
Я не брошу к ногам проржавелье латы,
Предавая себя за огрызок тепла –

Не страшны холода, и бесплодная почва
Без труда устоит под ударом зимы.
Вырождается крик в неразборчивый почерк,
Но искомый ответ – он, как прежде, размыт...

А за окнами – ночь и созвучная слякоть.
Кислород перекрыт, никаких новостей.
И не хочется петь – мне бы просто поплакать
За себя и своих нерождённых детей...

Одиночество

Одиночество – это петля из прозрачного шёлка,
 Это меч самурая – заточенный, но не для битвы.
 Одиночество – это когда убивает молитва,
 Вместо неба с насмешкой глядит ядовитая щёлка.

И приспущены флаги, и больше не стыдно сдаваться,
 И стихи не приносят уже облегчения сердцу,
 Мне должно бы, наверное, просто чего-то хотеться.
 Но не хочется даже покоя – тем паче, оваций...

Одиночество – форма любви к воспалённому миру.
 Соблюдая дистанцию, мы подбираемся ближе...
 А любители сладкого что-то настойчиво лизут –
 Может быть, оголённое мясо дешёвых кумиров?

Одиночество – это залог выживания сильных.
 Одиночество – это уютное гнёздышко слабых.
 Я – волчица... А хочешь, мои закалённые лапы
 По сугробам дорогу протопчут – кровавым и синим?

Я умею любить. Одинокие это умеют –
 Уходя навсегда, дорожить уцелевшим хорошим,
 Выпекать запоздалое счастье из маленьких крошек,
 От печали в просоленном горле устало немея...

Одиночество – тонкий покров, беззащитная кожа,
 Испещрённая шрамами, но сохранившая нежность,
 Одиночество – это твоя и моя неизбежность.
 А запуганный мир так униженно, рабски скукожен...

Не гасите плевками огонь – я уже догораю,
 И останется только седой остывающий пепел,
 Он теплее иных очагов – бутфорских, нелепых.
 Одиночество – это судьба, а судьбу – выбирают...

Дочери

Ты родишься однажды, я знаю... Ты будешь другой:
 Одиночества яд удержу при себе – ни крупницы
 Не просыпав. И тёплое небо на счастье рукой
 Нас коснётся, и вдруг запоют оглушительно птицы –
 В нашу честь. Унаследуешь губы мои и глаза,
 Обнажённое сердце, которому чуждо притворство,
 Своенравный характер и гордое слово: «Нельзя!...»
 Я отсыплю удачи и смелости полные горсти,
 Чтобы выросли крылья – прочнее и шире моих,
 И суровая высь благосклонно тебе улыбалась...
 Неизбежную чашу утрат разделю на двоих,
 Осушу её залпом – останется самая малость.

Я тебя поддержу на любом – самом трудном пути,
 Не родителем стану – наставником, другом и братом...
 Мне бы только сейчас от себя ненадолго уйти –
 Отдышаться, до ста досчитать и вернуться обратно.
 И никто не узнает, какая могильная тьма
 Надо мной нависала, впиваясь когтями под кожу...
 Я теряла надежду и силы, сходила с ума,
 Становясь на творение Божье в бреду непохожей.
 Мне знакомы и сладость расплаты, и горечь греха,
 И как будто займы выдыхались надрывные строки,
 К полюсам по живому, до крика рвались берега
 Пересохшей реки, а нутро выгорало до срока...

Удивляются даже свои, что могу до сих пор,
 Жить, без умолку петь, спотыкаясь на каждом куплете.
 И выносит молва беззастенчивый свой приговор,
 И разводит костёр погребальный из грязи и сплетен,
 Только всем лицемерам назло я, как прежде, в строю,
 И палю наобум, не боясь промахнуться однажды.
 Мне живая мечта помогла устоять на краю.
 На коленях – пускай, для спасённого это неважно.
 И не жаль на отчаянный поиск потраченных лет,
 И напрасно в расщелины звёзд ухмыляется вечность,
 Мы научимся нежно друг друга беречь на земле –
 От презрительно-злобных плевков и душевных увечий.

Ты дождись – умоляю, иначе – лишь камнем ко дну.
 И судьба неподкупна, и жребий безжалостно брошен...
 Я у цели почти. Мне осталось чуток дотянуть
 До заветной черты, за которой всё худшее – в прошлом.

Путь

Путь самурая – это всего лишь путь.
 Участь поэта – более чем судьба.
 Курс – в бесконечность. Об остальном – забудь.
 В качестве жертвы не предлагай себя.
 Не зарекайся от перемены мест.
 Не заикайся о переходе вброд.
 Не опускайся: вместе – и сразу в месть.
 Не полагайся на захудалый род.

Не отрекайся... Кажется, много «не»?
 Участь поэта – странное ремесло.
 Я убиваю всё, что живёт во мне,
 И воскрешаю – в новом порядке слов.
 Я не умею руки держать по швам.
 Я не желаю – пулей в чужую плоть.
 Гретишь о славе? Видишь ли, дело швах.
 Славы не будет. Вот тебе полный... лот.

Путь самодержца – это всего лишь бег.
 Роскошь поэта – неторопливый шаг.
 Мы выбираем из прейскуранта бед
 Самые сливки – чтобы могла душа
 С небом брататься. Местные не хотят
 Близости с теми, кто в пелене оков.
 Хрупкое сердце тычется, как дитя,
 В нежные груди дымчатых облаков.

Путь пилигрима – это всего лишь торг.
 С Господом Богом – или с самим собой.
 Участь поэта – самый огромный стог
 И за иголку истины вечный бой.
 Так не бывает, чтобы сказал – и всё.
 Так – не бывает. Если взлетел – держись.
 Участь поэта – пуля в чужой висок,
 Чтобы казнённый заново выпал в жизнь.

Закат Вселенной

Не пить ни кофе, ни вина –
 Чтоб не затёрлась новизна
 В пылу азарта.
 Не ждать из дома новостей
 И непременно в темноте
 Грустить о завтра,
 Когда скомандуют: «Подъём!»
 И на рассвете мы уйдём
 В иное небо.
 Какие хрупкие мосты!
 Какие мачты – и кресты...
 Давно я не был
 В такой отчаянной зиме –
 Как будто разом заимел
 Врага по счастью...
 На личном кладбище основ
 Макаю в раны хлопья снов –
 А сны нечасты.
 Стихи запоем – и посты.
 Не ошибаясь, не постичь
 Высоты бездны.
 Мне жадный мастер – не указ:
 Я в чём-то гений, в чём-то – ас,
 А в чём-то – бездарь.
 Какая терпкая печаль!
 Ты пей до дна – не отвечай.
 Не отключайся.
 Чтоб мир не умер молодым,
 Чтоб мы истаяли как дым,
 Но – в одночасье.
 О нас не вспомнят – что с того?
 Бессмертно наше естество,
 И мы воскреснем.
 Возможно, где-нибудь не здесь.
 Возможно, там, где точно есть
 Простор для песни.

Монолог очевидца

Не пережить бы самого себя.
Не перепеть бы собственные песни.
Не променять бы истину на плесень,
Мозолистыми связками сипя.
Всё – суета: забвение, успех...
Друзья уходят – кто в запой, кто в небо...
Пусть я смешон в своём наивном гневе,
Но, Господи, так хочется успеть
Сказать о главном – или, промолчать,
Что в сущности, наверное, едино...
Я завершил последний поединок
Случайным взмахом ржавого меча.

А мельницы мои – они стоят,
Как памятник всем тем, кому не пофиг
Немой упрёк дряхлеющей эпохе.
Предательство мне чуждо. Просто я
Устал от одиночества в пути;
Собратьев, что не жили – но издохли
И с детства продаются за хот-доги...
Мне есть, куда поехать и пойти:
Враги накормят, а друзья – нальют,
Уложат спать – на мягкую перину...
Я сам не местный – варвар в третьем Риме,
Мне в тягость их напыщенный уют.

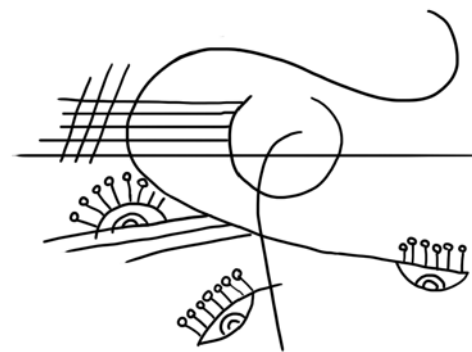
И, Господи, так хочется тепла,
Так хочется огня – не пепелища...
Душа успокоения не ищет:
Не крылья – так хотя бы дельтаплан,
И плавно оторваться от земли,
И – дураки везучи – не разбиться.
Фортуна в колесе ломает спицы,
Стекает время – каплями золы.

Здесь кто не выжил – тот и не убит.
Ухабиста дорога – не терниста,
Не воина – бродячего артиста
В Господнем цирке. Так тому и быть.
В святой неукротимости стихий
Мне видится спасение. Нечасто
Даётся свыше горестное счастье:
Летать, любить, страдать, писать стихи.

Черта

*Иероглиф предательства – тени незримых рогов,
И такие друзья, что не надо смертельных врагов.
То не ангелы – души потомков призывно трубят,
Я, назло палачам, выживаю – во имя тебя...*

Елена Лазарева

Стихи о конце света

К поэту приходит муза, к соседу приходит белка,
К нардепу приходит призрак разграбленной им страны.
На ветхих воротах рая корявая надпись: «Welcome!»,
Но рай завещали смерти, и все перед ней равны.

Кому-то – медвежий угол, кому-то – весь мир на откуп,
Кому-то ещё немного – и самый последний круг.
А мы выбираем правду, а мы выбираем водку,
А мы выбираем нежность и небо в глазах подруг.

С годами мы только крепче, хотя тяжелеет поступь
И выпито полцистерны за тех, кто ушёл вперёд.
Кому-то – большие сиськи, кому-то – большого босса,
А нам – ничего не надо, и мы переходим вброд.

И нам по колено море, и нам покорятся горы –
За то, что свободны руки, и совестно им грести.
Мы точно не опоздаем на самый последний скорый,
Да только вот нет билетов, но Боженька нас простит.

Кого-то пугает плаха, кого-то пугает воля,
Но ты ничего не бойся, покуда моя рука
Твою согревает руку, и прячутся те, кто возле,
А мы зажигаем звёзды в созвездии Дурака.

Кому-то – кино и немцы, кому-то – постель и кофе,
Кому-то – огарки счастья, кому-то – обрывки пут...
Но каждый из нас по жизни стремится к своей Голгофе,
И правила неизменны: идущий осилит путь.

Кого-то купили оптом, кого-то столкнули лбами,
А кто-то собрал бутылки и в землю зарыл топор.
Я знаю тебя на ощупь, я знаю тебя на память,
Ты знаешь меня навывлет, и можешь узнать в упор.

Потомки рабов искусно себе выплетают узы
Из жалких клочков бумаги, и строят сады камней.
К поэту приходит белка. К соседу приходит муза.
К нардепу приходит совесть. А ты – приходи ко мне...

Паническая атака

Искала ответы. Листала чужие блоги:
Печали «великих» не трогали – не свои.
Друзья осаждали: кому в наши дни не плохо?
Враги ликовали, что где-то идут бои.

И город ложился в тугие объятья ночи.
И город метался в душливом злом бреду.
А мы выбирали безумие одиночек,
Которое, верно, написано на роду.

И всё-то я знала. Давно нашептало небо,
Что было и будет. Услышали – мы одни.
Ложатся на плечи пудовые гири гнева,
И тянутся долго густые сырые дни.

Ведь было иначе – пускай не хватало солнца,
Зато согревали стихи и бокал вина.
Друзья утешали: уладится, утрясётся.
Враги проклинали: издохни! Моя вина,

Что я отвечала. А лучше бы – сразу в морду.
Чтоб не было мало. И чтоб неповадно впредь.
Я вряд ли однажды последую странной моде
На выстрелы в спину. Мне проще дотла сгореть –

И снова воскреснуть, чем тлеть на земле окурком.
Такая реальность? Отмазка – как есть, гнильё.
...И было так страшно, как будто проснулся в «дурке».
И было так стыдно, как будто твоё бельё

Прилюдно стирали. А город... Он просто жертва –
Толпы, произвола и чьей-то больной мечты.
Покорные пушки свои наставляли жерла
На хрупкие своды. И кто-то шептал: «Прочти

Заветные строки – и смело шагай на плаху.
Вселенская слава – награда твоя за дурь».
...А мне захотелось прижаться к тебе и плакать,
И верить, что это – лишь эхо житейских бурь.

Epic fail

Ничего не бывает просто, как дважды два.
 Вспомни душу свою – отмучил Господь едва,
 Атакует её родная по крови тварь.
 Хоть страдает склерозом – помнит, куда ужалить.
 И стоишь ты под небом каменным, как дурак.
 Ни кола у тебя осинова, ни двора,
 И дорога твоя – не чёрная, но дыра,
 А себе самому нет смысла давить на жалость.

Бог святыни твои повытравит, что клопов,
 И пошлешь ты в дорогу дальнюю всех попов,
 Своеволью расправишь крылья, но будь готов –
 Незавидна Икара участь под солнцем здешним.
 Кто по жизни привык ползком – на расправу скор:
 Браконьеры тебя ошциплют – и на костёр,
 Только ты – ни стыда, ни страха – заводишь спор.
 Всё о поиске смысла жизни, несчастный грешник!

Не куётся тебе, не мелется, супостат..
 Погляди-ка – к раздаче ангелов опоздал,
 И достался тебе отъявленный раздолбай –
 Разве только стихи нашёптывать да оффтопить.
 Весь в тебя – не посланец Божий, а невесть что,
 Очарованный сумасбродной своей мечтой:
 Ниспослать бы на эти топи хотя бы шторм,
 Коль Творец не даёт согласия на потопы...

Кинокритики оценили бы спецэффект,
 Только большего не допросишься ты в ответ.
 Человек – не вполне удачный Господень фейк
 (Или, может, удачный) – ценит масштабность мысли.
 Изначально была задумка в один момент
 Ампутировать жажду знаний. Сместить акцент,
 Чтобы после – душещипательный хеппи-энд,
 Но в программу закрался вирус – и все зависли.

Разгадка

Мы любили, чудили, хлестали водку,
 Отдавали себя «знатокам» на откуп,
 В Интернете нечёткие наши фото
 Затмевали парадный иной портрет.

Иногда засыпали под небесами,
 И камнями свой путь устилали сами,
 Но по праву считали себя творцами,
 Хоть порою творили полнейший бред.

Это было счастливое время века,
 И почётное звание человека
 Мы несли, не ломая былые вежи,
 А свои загоня в земную твердь.

И казалось – уже никакая сила
 Нас не сломит, неистовых и красивых,
 Словно нет во Вселенной таких Бастилий,
 Из которых на волю стремится смерть.

А потом – грянул гром. Зазвенели трубы.
 Легендарные, медные. Слишком грубо
 Голоса зазвучали. Пошла по трупам
 Напролом, не считая шагов, беда.

Ты читал заклинания – Будде, Шиве..
 Я звонила друзьям: слава Богу, живы!
 И дана мне проверка была на вшивость –
 От вчерашнего брата принять удар.

Устояла. Проклятия и насмешки
 Заглушала горячего сердца нежность.
 И осколками солнца во тьме кромешной
 Пробивалась любовь сквозь кровавый снег.

Ты же – гений поэзии, честь эпохи –
 Существоешь бессмысленно и убого,
 Ведь в тебе не осталось ни капли Бога,
 Что немислимым чудом, но жив во мне.

Вчерашним

Если брат в лицо мне бросает: «Хайль!»,
То уже не нужно ничьих похвал,
Пропадает тяга писать стихи –
Я теперь во власти других стихий.

Я хочу ходить по родной земле
Без опаски вмиг обратиться в тлен.
Мне плевать, откуда приехал тот,
Кто, возможно, завтра меня убьёт.

Мой безумный брат, погружённый в сон,
У свободы, знаешь, иной фасон.
Сколько ты ни пей, только вкус дерьма
Не забить ничем, если жизнь – тюрма,

Если ты, пеняя на производ,
На костях собратьев её возвёл.
Ты себя, наверное, мнишь святым,
На могилы павших неся цветы.

Твой учитель – дьявол, твой нимб – рога,
Ты лакаешь кровь – и ползёшь рыгать,
Твой слепой рассудок выходит вон,
И несётся вслед колокольный звон.

Не мочи штаны, мой вчерашний брат,
Я давно не жду от чужих добра,
Я к тебе с душой, а в отместку – «Хайль!»
Ни к чему звонить, поднимая хай...

На шашлык пустив своего коня,
Стихословь, пляши и хлещи коньяк.
Я зажгу свечу. Приглушу струну.
У меня беда – хороню страну.

Черта

Есть черта, за которой – уже ни черта,
И сует суета, и в глазах пустота,
И отборная брань из распятого рта ...
Есть черта, от которой – уже никуда,
На обочине мира замерзла вода,
Отражается небо в кристалликах льда ...
Есть душа, за которой, увы, ни гроша,
Оттого-то она и живёт, не греша,
И свобода не просится ей в кореша ...
Есть страна – и просторна она, и странна.
Оглянуться бы вовремя по сторонам,
Но закованы ступни давно в стремяна ...
Есть народ – оскудевший, дряхлеющий род,
Что ни вождь – сущий Ирод. А проще – урод,
И мелеет река, перейдённая вброд ...
Есть уклад – как бесплодный и чахнувший сад.
Реставрируйте зад – не парадный фасада,
И, быть может, отсрочку получите в ад ...

Есть судьба. Не наложница и не раба,
Да не вытравившь дурь из упрямого лба.
По ухабам и кочкам трясётся арба ...
Есть мольба – немудрёна она и груба,
И равны трубачи, богачи, голытьба
В обескровленной вере – слепа, но слаба.
Есть места, где печаль замыкает уста,
Где едва ли уснёшь, не считая до ста.
Даже воздух от каждого вдоха устал ...
Есть рука – животворная, словно река,
Отрезвляющим ядом сочится строка,
И спасение снова найдёт дурака ...

Есть война – неотступная, злая вина,
И не выбить бы, выжить бы, выпить вина –
Не беда, что победа уже не видна.
Есть итог. И Господь – по-отечески строг
К безобидным ваятелям пафосных строк,
А родная земля – будто тесный острог ...
Есть порог. И в миру самозванный пророк
Обличает с похмелья какой-то порок.
Только горький урок почему-то не впрок ...
Есть чертог – завлекает уснуть на часок,
Мол, сюда не дотянется грязи поток.
На червивую пасть не накинешь платок ...
Есть мечта – до подлунного воя проста:
Откреститься бы вмиг от земного креста.
Есть черта ... Переступишь – и совесть чиста.

Моё

Мой друг остался на войне
Слепым обманутым убийцей:
Он ест пирожные и пиццу
И больше не звучит во мне.

Мой брат вчера сошёл с ума –
Он пьёт на завтрак слёзы с кровью,
Я душу перед ним закрою,
В которой – знойная зима.

Мой враг был честным до конца –
Он с чистым сердцем ненавидел,
И на него я не в обиде
За злое прозвище «кацап».

Мой дом – разграблен и сожжён.
Моя земля – пропахла смертью.
Мои вчерашние, не смейте
Водить сюда гуляющих жён!

Моя страна – ещё жива,
Но распадается на части,
А для иуд – земное счастье
Родное тело рвать по швам.

Мой сын, покуда не рождён,
Не знает страха перед жизнью.
Он будет преданным Отчизне –
И ею преданным. Вождём

Чужого племени не быть
Тому, кто сам себе спаситель.
А вы – хоть солнце погасите!
Не страшно. Даже не знобит.

Моя любовь меня простит,
Когда, прикрыв её собою,
Однажды дамся я – без боя,
Чтоб в землю не сажать кресты.

Поминальное

Похоронный набат. И пропахшие дымом руины.
И безумный кобзарь в переходе о «воле» поёт.
Как бездомные псы, остывающий труп Украины
Вдохновенно грызут озверевшие дети её.

Не сплотил нас Майдан – разделил беспощадно и чётко
На «друзей» и «врагов». Или нет – на «своих» и «чужих».
Я по жизни – поэт, неподвластный ни Богу, ни чёрту,
Чей рассудок – броня, о которую гнутся ножи.

Вам не страшно – ничуть? Извините, вовек не поверю.
Псевдобратья мои оскотиниться вмиг не могли!
Я не смерти боюсь, а единственной горькой потери.
Я любовью живу, а не тоннами изданных книг.

Я – изгнанник. Изгой. Только нет без присяги измены.
Но за правду без прав я стерплю приговор без вины.
И Всевышний, избавь превратиться в кирпич постамента
Самозванных богов не имеющей смысла войны.

Не осталось врагов, для которых не жалко патрона.
Легковесны стихи. Из трагедии лепят игру.
Стать придворным певцом у подножия нового трона
На могиле страны? Милосерднее выстрелы в грудь.

Над столицей – туман. Он из пепла кровавого соткан.
И торчит монумент, словно в сердце нацеленный гвоздь.
Вы поёте псалмы, провожая Небесную Сотню,
Ну, а где вожаки? Одурманены дракой за кость.

Их пустые глаза наливаются кровью от жажды.
Ядовиты клыки. Их душонки – бездонный ларец.
Батькивщина моя, если ты не воскреснешь однажды –
Я тебя отпою. А меня – наш наивный Творец.

Я уже не стыжусь унижений, насмешек, проклятий.
Может быть, среди вас протрезвеет один «идиот»,
И придется ему в аккурат неуклюжие латы.
Он оплачет меня. И все песни мои – допоёт.

В прошлом году...

В прошлом году на карте родной страны
Запад, восток и юг уживались мирно...
Больше не смей касаться моей струны:
Грязь на твоих ладонях. По стойке смирно
Перед своим талантом стоишь и ждёшь
Пылящих восторгов, кланчишь у всех оаций...
Глупость себе прощаешь и даже ложь –
Гению позволительно ошибаться.

В прошлом году страна без войны жила.
Пусть небогато, но не гремели залпы...
В дни мятежей наружу всплывает шлак
И отравляет воздух кровавый запах.
Я не боюсь предательства, нищеты
И не краду плодов из чужого сада.
Только любовь и небо – мои щиты,
Правда – моё оружие без пощады.

В прошлом году каштановый хмель, маня,
Плыл над Крещатицом. Пахло дождём и солнцем.
Было три брата, Господи, у меня...
Нынче – один. И только один спасётся
От угрызений совести. Хоть и пьян –
Сердцем, душой и разумом чист кристально.
Прошлого жаль – не сломанного копья.
Руки уже не пахнут ружейной сталью,
Но не сдалась – воюю. Враги – странны.
Тешат себя иллюзией – победили!

...В прошлом году на карте моей страны
Были моря. Над ними царили штили...
Может я – дура. Мысли отстранены
От черноты и вязкой словесной гнили.
Видишь ли, гений – нет у тебя страны.
Ваши вожди на днях её хоронили.

Монолог старого башмака

Мосты, подворотни, трамвайные рельсы
И небо, в котором уже не согреться.
Пропахли страницы слезами и кровью.
Ты можешь стучаться – никто не откроет.

Я знаю, как больно. Я знаю, как страшно –
Когда заступает последняя стража.
Донбасс и Одесса – и что-то святое.
А кто-то презрительно в спину: «Пустое...»

А кто-то вкушает пирожные с кремом,
Из преданных стай собирает гаремы.
Отравлено тело. Обуглены нервы.
Но я не хочу – ни последней, ни первой.

Мне тошно, мне горько от вашей победы!
Как жаль, что не смог в президенты Дарт Вейдер...
Он – подлинный ангел на фоне поэтов.
Возможно, его бы стерпела планета.

Поэты сыты потребительским раем.
Поэтам плевать, что иные сгорают
За правое дело, за право на слово.
Поэтов не мучит продажная совесть.

Но я – не поэт. Я – солдат-одиночка.
Меня донимают бессонные ночи
И сердце стучит с перерывом на кофе.
Всё реже является муза – и пофиг.

Она загуляла на Козьем болоте.
Её угощают истерзанной плотью.
А я – о высоком, о жизни и смерти...
Извольте плевать, но в душу – не смейте.

Бессмертны грехи и священные обиды.
Герои ласкают не женщин, а биты.
Всё чаще молчу. И душа не на месте...
Я – старый башмак. Но башмак-то – армейский.

Соло

Забыта. Забита. Спрятана под замок
 Мечта, что невольно предана: ты не смог,
 Зажмурив глаза, врага отличить от брата.
 Она оживает призраком – лишь во снах,
 Казалось бы, сожаление – не цена,
 Но каждому дезертиру – своя расплата.

А где-то вдали, как прежде, гремят бои...
 Отныне ты служишь ангелом для своих.
 Отныне ты служишь дьяволом для чужого.
 Того, кто пленил свободой – но сделал шаг
 В заветное, заповедное, и душа
 Скукожилась, ощетижилась: к чёрту шоу!

И стало немого ни молчать, ни петь...
 Наверное, он боится тебя теперь,
 И даже себя порой – по ночам – боится.
 Ты понял, какая сила в твоих словах...
 А дальше – куда? И можно ли наплевать
 На то, что пигмалионство – сродни убийству?

Рутинное чувство долга – тоска, тоска...
 Предчувствие, что закончится вдруг доска –
 И чёрной дырой у ног развернётся бездна.
 Спасительно одиночество, но скажи,
 По силам ли новобранцу такая жизнь,
 Где пламенем адским бьётся огонь небесный?

В хрустальные латы он заключён тобой.
 Спасённые возвышаются над толпой,
 Свою искупая избранность совершенством.
 Когда, поднимаясь медленно в полный рост,
 Сочувствуешь ренегату, чей путь непрост –
 Мутит от натужной фальши его блаженства.

На память остался траурно-скромный цвет,
 И всякий храбрец, дающий тебе совет,
 Насилу уносит ноги. Пропитан солью
 И солнечным светом воздух – дыши, дыши,
 Умело лаская звуком нутро души –
 Пока для тебя Господь не сыграет соло.

Правила выживания

Не упиваться жестокой реальностью –
 Мол, испытание для тебя.
 Не предаваться наигранной радости
 От безысходности бытия.

Не кипятиться в сомнительном вареве
 Из отравляющих новостей –
 Будто планета попала в аварию
 И на поминки зовут гостей.

Не спекулировать Божией милостью –
 Кончилась милость. Остался крест.
 Чистить нещадно душевные гнилости,
 Коль уж ввязался в Господень квест.

Не предаваться разврату словесному –
 Ни на бумаге, ни на миру.
 Не отпираться – мол, мы здесь не местные,
 Если собратья, как мухи, мрут.

Не воспевать за подачки правительство,
 Правды превыше не ставить мести,
 Помня: в поэзии право на жительство
 Определяется словом «честь».

Не испражняться военными одами –
 «Кровопускание от оков»:
 Вряд ли, когда-нибудь станет пригодною
 Почва кровавая для стихов.

Не горевать о при жизни неизданном –
 Время рассудит без суеты.
 Не расточать самопальные истины,
 Чтоб к пьедесталу несли цветы.

Не торговать ни собой, ни поэзией,
 Кутаясь в белые кружева –
 Не потому, что пугает возмездие,
 А потому, что душа жива.

Ересь

Подлецы зовут к барьеру,
Наглецы – трясут мощной...
Я пишу такую ересь,
Что становится смешно.

И не сплю в двенадцать ночи,
И мешаю тем, что спят...
Мне не место в одиночке –
Я опасна для себя.

Не катаюсь без билета –
На последние – плачу,
И зовут меня поэтом
Обитатели лачуг.

Я порой стреляю мимо –
Попадаю через раз,
Но пока ещё любима –
Без регалий, без прикрас.

И слова мои – как водка:
Пробирают до костей.
Я скорей воскресну в сводках,
Чем в подборках новостей.

Мне не надо много денег –
Пусть к другим текут рекой.
Я живу среди растений
Самым честным сорняком.

Знаю честь и знаю меру –
Даже если во хмелю,
От ханжей скрываю веру,
Не надеюсь, но люблю.

Я – не Моцарт, не Сальери,
Не заложница стихий,
И моя святая ересь
Называется – Стихи.

Передоз

Я знаю, что значит – поздно,
И поздно менять кумира
Тому, кто всю жизнь молился
Набитому животу.
Я знаю, как светят звёзды
В холодных подвалах мира,
Где запах прогорклых истин –
Как будто уже в аду.

Под звон заказных куплетов
Летят в пустоту эпохи,
И чьи-то жиреют рожи
У грязных корыт систем.
Я знаю, что мы – поэты –
Живём под крылом у Бога,
Но с нас ведь и спросят строже
На самом святом Суде.

Не надо твердить о чести,
Что продана и пропита,
Пророк из тебя – ни к чёрту,
Не пламя – зола в груди.
Ты смог наизусть прочесть бы
Фрагменты Бхагавадгиты,
Но вряд ли бы спел о чём-то,
Что душу разбередит.

Ты пьёшь и слагаешь гимны,
Эффектные ищешь позы
И веришь – твоя Отчизна
Оценит мартышкин труд.
А рядом поэты – гибнут
От острого передоза
Суровой и трезвой жизни,
В которой себе – не врут.

Не пиар

Выдыхаю Господним рупором
 Неудобные всем слова.
 Я остался под Мариуполем –
 Кровь по чарочкам разливать.

Правда – вряд ли когда отыщется.
 Нынче истина – не в цене.
 Я – один из Небесной тысячи.
 Я – в расстрелянном пацане,

В изувеченной взрывом девочке,
 В обречённом призывнике...
 Я из тех, чья погибель – мелочи,
 Просто новость в одной строке.

Пусть меня поминают матами
 Патриоты чумной волны,
 Я остался в Одессе-матушке –
 Задохнулся в дыму войны.

И пока самозванцы-гении
 Воспевают позор страны,
 Я – бесславный герой трагедии,
 Попытавшийся приструнить

Кровожадную нечисть. Спорили,
 Чей снаряд уложил меня...
 Делят власть за семью заборами.
 Лишь о мире – не гомонят.

У поэтов – своя романтика:
 Бодхисаттвы и прочий дзен...
 Только вечность качает маятник.
 Только колокол бьёт – по всем.

Я не верю, что кто-то выживет –
 Ангел Смерти играет туш,
 Но зачем-то молю Всевышнего
 О спасении мёртвых душ.

Повелителю блох

Умолкнут люди. Усмехнётся Бог.
 А ты – скачи, скачи, пока в сознании.
 Блошинный рай – печальный твой итог.
 Твой личный след в системе мироздания.

Пляши, пляши под дудочку вождя –
 Внештатный крысолов его величества.
 Рабы немые. Они способны ждать,
 Покуда их прогибы обналачатся.

Жужжи, жужжи, свиная голова.
 Роятся мухи. Торжествуют варвары.
 Герой эпохи – глуп и нагловат,
 И сбит с пути трусливых шавок табором.

Тебя не жаль. Ты сам себе не друг.
 Не враг, а так – досадное препятствие.
 Однажды не проснёшься по утру –
 Никто и не заметит. Строки пазлами

Ложатся – и, как хочешь, их верти.
 Строчи, поэт с азартом пулемётчика!
 Ты сам себе назначил норматив,
 И смотришь в рот разнузданным молодчикам,

Которых – рать. А, может быть, орда.
 Вопи, кривляйся, плачь – им будет весело.
 На завтрак приготовив Божий дар,
 Ты стал кастратом в должности профессора.

А мир в недоумении застыл:
 Сбываются пророчества – не снится ли?
 Горят кресты, театры и мосты,
 Дома глядят усталыми глазницами.

А дальше что – спасение, потоп?
 Хорею льстиво именуют творчеством.
 Тебя волнует, кто ты? Да никто.
 Досадно? Ну и ладно. Перетопчешься.

Небесная строевая

Мы когда-то не знали горя –
И «героев» своей эпохи,
По ночам безмятежно спали
И чужим открывали дверь.
Мы покинули душный город,
Неприветливый и убогий,
Потому что пришла усталость
От безверия и потерь.

А потом наступило утро –
Как бессмысленный бег по кругу,
Как похмелье без грамма хмеля,
Наказание без вины.

...Им внушили, что это мудро –
По наводке стрелять друг в друга,
Ведь недаром глашатай мелет:
«Очищает огонь войны!..»

И схлестнулись две тёмных силы...
Где нелёгкая нас носила –
Всюду было одно и то же:
Капли крови и море лжи.
Разве Родина-мать просила –
Мол, свободой меня насилуй?
Я стихи хороню под кожей –
Полумёртв или полужив...

Если б в руки мне смерть вложили –
Я бы гордо шагнул на плаху,
Обнажившейся подноготной
Затыкая воронки ртов.
Я – расстрелянный мирный житель.
Я – Октябрьский и Волноваха.
Не «Шарли», как сегодня модно.
Не стервятник в полях АТО.

Погибает страна – эпохой
Отработаны роли чётко:
Будут «ватник» и «вышиватник»
Друг на друга смотреть в прицел.
Я готов помолиться Богу.
Я готов помолиться чёрту.
Стать без выстрела виноватым –
Чтоб хоть кто-нибудь уцелел!!!

Расстояние

От победы до каторги, от престола до паперти,
От прицела до выстрела расстояние – миг.
Не спасёт ни проклятие, ни святое распятие
От навета и зависти – улыбнись и прими.

Ты не ангел, не праведник – просто болью обласканный,
Поцелованный Господом бесприютный поэт.
Пусть собратья по разуму упиваются сказками –
От хмельного прозрения избавления нет.

Ты теряешь иллюзии, отбиваясь от прошлого,
Отпеваешь товарищей, не пришедших с войны.
А под сердцем хоронится всё, что было хорошего,
Не скулишь и не каешься, виноват без вины.

От пучины до пристани, от беды до спасения,
От причины до следствия расстояние – век.
Ты не ищешь забвения, ты не просишь везения,
Не палач и не мученик, а простой человек.

Немотой и бессилием, как мечом, изувеченный,
С небесами повенчанный, сам себе господин –
Ты живёшь на окраине угасающей вечности
И в своей безупречности совершенно один.

Так порою случается, что надежда кончается,
Иссякает терпение, соблазняет петля...
И как будто простительно просто взять и отчаяться,
Но терзают сомнения – неизбывная тля.

А в минуты забвения растекаются патокой
Беспринципность и ханжество, и ладони свербят.
Не по собственной прихоти ты бежишь и не падаешь,
Понимая – бессмысленно убежать от себя.

И душа задыхается в пелене безутешности...
Если взялся за истину – расплатиться изволь.
От святого до смертного, от пророка до грешника,
От поэта до гаера расстояние – ноль.

Утречко

Выдох. Воздух – собачье пойло.
 Не вернувшихся с поля боя
 Похоронят. Волчицей вою
 В безымянном сыром бору.
 А писатель Василий Пупкин,
 Перебравший вчера самбуки,
 Вспоминает с похмелья буквы –
 Новоявленный Юний Брут.

Что такого? Подкрался с тыла –
 Так легко, будто сдал бутылки.
 Инфантильно-брутальный дылда,
 Гениальный – как все никто.
 И война для него – источник
 Вдохновения. Между строчек
 Проступает знакомый почерк
 Жеребца... Нет – коня в пальто.

Он вкушает клубничный йогурт,
 Увлекается агни-йогой,
 Наряжает в сочельник ёлку –
 Вдруг зачтётся когда-нибудь.
 Весь такой из себя профессор –
 На досуге кропает пьесы,
 Озабоченный «лишним» весом
 Беспартийцев, прошедших Путь.

Горше яда – такое утро.
 Сам Создатель уснул за пультом –
 И осталась культа от культа,
 Но едва ли фантомна боль.
 Это миссия для Мессии.
 Это месиво для мессира.
 И уже не уйти красиво –
 Исключительно на убой.

Инферно

Так случилось – планета тому ли виной,
 Что реальность не радует глаз новизной,
 И живёшь в состоянии вечного краха.
 Не бытуешь, а именно просто живёшь:
 Невесомая роскошь – как в засуху дождь,
 И не рвёшь на груди театрально рубаху.

Так случилось – в кустах пробудился рояль,
 И свернулась душа в кружевную спираль,
 Беззащитно-опасную, как наутилус.
 И не стыдно: что выпито – то за свои,
 Но осиновый кол в горле комом стоит.
 Обыватель в оргазме – ага, докатилась!

Мудрецы не напрасно таким говорят,
 Что в извилинах раковин теплится яд,
 Что инферно – арена для мистификаций.
 Под прикрытием пламени дремлет вода.
 Кто меня приручил – тот со мной навсегда,
 Я – не пёс, чтобы с голоду в руки даваться.

Всё, наверное, просто: причина во мне,
 Что святыни мои оказались на дне –
 Разве можно творить, поклоняясь кому-то?
 Разве можно, скуля, как побитый щенок,
 По тарифу Господнему «всё включено»
 Вмиг просаживать жизнь – до последней минуты?

Так случилось. Планета погрязла во лжи.
 Хочешь славы – дающую руку лижи
 И не смей выделяться из глинистой массы.
 Только, Боже, служить – не моё ремесло.
 Проще, ветхие мачты пуская на слом,
 Хоть куда-то причалить, но в сеть не пойматься.

Ты желаешь награды за храбрость – изволь:
 Одиночество – самая сладкая боль –
 На усталые струны струится сквозь пальцы.
 Не сейчас – много позже предъявится счёт...
 Не смотри ни в глаза, ни куда-то ещё.
 Не вторгайся, куда не зовут. Не вторгайся!!!

Моя молитва

Здравствуй, Господи! Сладко ли спится там?
 В облаках наши выстрелы не слышны...
 Здесь – по-прежнему. Люди равны скотам,
 И у каждого «брата» – по две клешни.

У вчерашнего ближнего – автомат.
 У меня – во всё сердце горит мишень.
 Ты как будто не жалуешь русский мат,
 Но спасает – почище святых мощей.

Моралистов давно посылаю в сад.
 Над планетой – сирена, как волчий вой.
 Только, Господи, я – не Твоя овца,
 Я – подобие, образ и слепок Твой.

Ты не любишь молитвы мои? Ну что ж...
 Я сама не особенно их люблю.
 Над поруганным детством – кровавый дождь,
 И хотелось бы верить, что просто сплю,

Но не верится. Ты – ни хорош, ни плох.
 Ты по сути – таков, как любой из нас.
 А во мне с каждым днём умирает Бог,
 Чтоб воскреснуть – когда-нибудь, не сейчас.

С каждым шагом во мне погибает смерть,
 И на месте её прорастает жизнь.
 Я уже не прошу на меня смотреть,
 Об одном умоляю Тебя: держись!

За Тобой сотворённый несчастный мир,
 Где любовь, зачастую, всего лишь грех.
 Где на месте Твоём возведён кумир,
 А в писаниях ветхих не счесть прорех.

Где поэты продажны, певцы – глухи,
 А священники – главы одной змеи...
 Я Тебе оставляю Твои грехи,
 Так оставь мне мои.

Не прощай

Ничего не случилось – вроде бы,
 Только порохом пахнет Родина
 И полны закрома уродами,
 Чьи стихи – гладкоствольный флуд.
 Вы, кто ищет беды, обрящете
 Мимолётную славу – в ящике...
 Только хочется настоящего,
 Предлагают – сплошной фаст-фуд.

И хотелось бы – да не можетя
 Наточить поострее ножницы,
 А рулоны – они всё множатся,
 Будто сходит лавина с гор.
 Даже если маршрут изменится,
 Я не верю, что бег замедлится,
 Завожу с предпоследней мельницей
 Доверительный разговор.

Мол, живу, никого не трогая –
 Просто карма такая строгая.
 Где-то в памяти, за порогами
 Все ответы – лежат на дне.
 Годы жизни мелькают главами.
 С перепугу постигла главное,
 И летать научилась, плавая –
 Из глубин-то всегда видней.

И когда ничего не хочется,
 Свыше данному одиночеству
 Отдаю без печали почести –
 И довольно меня стращать.
 Да, не скованы строки ГОСтами,
 Негодует небесный госпиталь,
 Только будь справедливым, Господи:
 Невиновна я. Не прощай.

Дао смертника

Ты не ищешь халявных денег
И отнюдь не «халяльных» взглядов,
И за это тебя не любят
Ни пиарщик, ни жирный тролль.
А над миром роятся тени,
Потому что им правят люди,
Безобидные с виду люди,
Но с прогнившим насквозь нутром.

Над тобой не смеются боги,
Им умильна такая дерзость:
Пропускать по сто грамм с костлявой –
Вдруг, объявят второй потоп?
Ты – певец не своей эпохи,
Без поклонников в министерствах,
Самозваной вселенской славы
И банальных земных понтов.

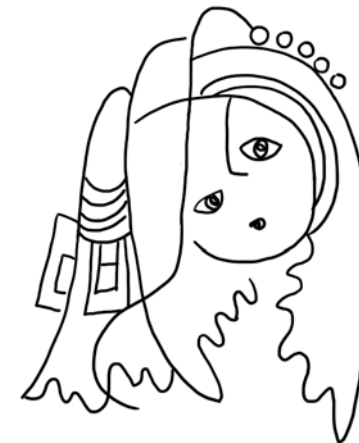
Не торговец душой и телом,
Не червяк и ничтожный атом,
Ты с творцом говоришь на равных
Горьким залпом кровавых строк.
А собратьям – какое дело,
Что порою исходишь матом
От прозрения: тех, кто правы,
Не услышат – не вышел срок.

Даже если ничто не мило,
Ты берёшься за меч устало:
Безотраднее нет момента,
Чем дуэль скакуна с козлом...
...Оправдают её могилы,
Что поднимутся пьедесталом
Для посмертного монумента
В честь победы добра над злом.

В междумирье

*... Мы, возможно, пришли. И, возможно, тупик.
Пьедестал – целомудрен и отдан другому.
Но стоять на подпевке у дикой толпы?
Упаси меня Бог! Лучшие пьяному – в омут...*

Елена Лазарева

Ревизия

Стольный град. Вместилище всех иллюзий,
 Где «хозяин жизни» – по жизни лузер,
 И тебя, как шар, загоняют в лузу,
 А в июле с неба – дождей десант.
 Ты искал полжизни – ну с кем обняться?
 Догорела вера в единство наций,
 Но тебе останется восемнадцать,
 Даже если стукнет за пятьдесят.

На помойку выброшен зомбоящик,
 Ты устал от пьянок ненастоящих,
 И какой-то бешеный звероящер
 Из тепла тебя выгоняет в ночь.
 В голове – обрывки забытых песен,
 Мир людей в масштабах Вселенной тесен,
 Ни к чему орать во всю глотку: «Здесь мы!» –
 Тем, другим, наверное, всё равно.

Как летят часы на закате века...
 Ты устал от их кругового бега,
 Только мысль: «Остаться бы человеком!»
 По привычной схеме бинтует мозг.
 Омываешь веки прохладой улиц
 И мечтаешь: «Только бы не проснулись...»
 От густого воздуха сводит скулы,
 Не имея гор, ты идёшь на мост.

Так бывает – переоценка хлама:
 Что уже ни мама, ни Далай-лама
 Не угасят жажды ошибок пламя,
 И нирвана – хуже, чем просто смерть.
 Под мостом издохнуть смешат угрозы,
 Не спит подержанных истин россыпь,
 Ты раздумал вдруг становиться взрослым –
 И смягчилась, дрогнув, земная твердь.

Реки

Где впадает в депрессию речка Лыбедь,
 Выгибаются спины мостов дугой,
 Возвышается город бетонной глыбой,
 За бессонницу смертным платя с лихвой.
 Он – бессмертен. Как памятник или призрак,
 Как бессмертны Владимир Ильич и Цой.
 И заморских гостей на роскошной тризне
 Принимает безропотно, но с ленцой.
 Этот город знавал не такие пляски,
 Принимал не таких «дорогих гостей»,
 Златоверхий, кабацкий, святой и вязкий
 Он сидит на системе – и вне систем.
 А когда угасают глазницы спален
 И система даёт милосердно сбой,
 Забываются те, кто его распяли.
 Он смеётся – над ними и над собой.

Где впадает в немилость ручей Крещатик,
 А в маразм и безумие – полстраны,
 Неприкаянным, выпало нам прощаться,
 С обесцененным миром. Не все равны
 Были в нём. Воровали и брали взятки –
 В общем, всё как сейчас, не ходи смотреть.
 Только «градом» народ называл осадки,
 А не то, что внезапно приносит смерть.
 Полноводная Лета вбирает реки.
 Поглощает статистов поток дерьма.
 Город жив, и латает свои прорехи –
 Ведь недаром он, кажется, чья-то мать.
 И, наверное, всё-таки неслучайно,
 Где впадает на стыке гнилых эпох
 То ли в Днепр, то ли в небо река Почайна,
 Мы впадаем друг в друга. И с нами – Бог.

Примазавшимся

А в столице – зима. Рок-н-ролла пророчат гибель.
Из трусливых сердец выгоняют любовь взащей.
И приходят они – то ли рокеры, то ли хиппи,
А на деле – сынки беззастенчивых торгашей.

Всё у них «от кутюр» – и заплаты на видном месте,
И ботинки ценой в полбюджета иной страны...
Так они и ползут – ослеплённые жаждой мести
Всем, кто их обогнал. Чьи идеи – смешны, странны.

Мол, какая душа? Суеверие тёмных предков!
Человек состоит из желудка и потных ног!
Так они и гниют, отравляя душком нередко
Атмосферу Земли, чтобы больше никто не мог

Ни свободно дышать, ни ресницами трогать звёзды,
Ни счастливо пьянеть на руках у своих зазноб...
Вот и видится мне, что однажды взлетит на воздух
Вся планета людей. И по коже ползёт озноб.

Так случалось всегда: одному – неприступный замок,
А другому – весь мир, даже космос – родной очаг.
Ну, а зрители – шли, и во всём разбирались сами,
И бродячий поэт был счастливее богача.

А в столице – метель. Да такая, что больно глазу,
И не видно ни зги. Лишь чернеют вдали одни
Вереницы иуд, улетающих бизнес-классом
В преисподнюю, где даже чёрта тошнит от них.

Мне не страшно уже. Не дрожат, как с похмелья, руки.
Чтоб меня перепеть – нужно выпить такой настой
Тишины на слезах, всепрощения на разлуке,
С небом скорбь разделить и помножить её на сто.

А в столице – январь. И по венам – такая стужа,
Что едва ли спасут от заморских портных штаны.
... И приходят они. Прозревая, приходят в ужас
От того, что их дни – вместе с нашими – сочтены.

Дети грибов (Письмо)

Знаешь, Светка... Любовь-морковь оказалась выдумкой –
Та, бывая. А всё, что после – по-настоящему.
Алкоголь из моей крови постепенно выдохся.
Не покажут мою персону по зомбоящику.

И уже ни врагов, ни братьев – одни товарищи.
Я тамбовской волчицей вою на голой паперти.
В этой чёртовой каше ты добровольно варишься.
Я – устала. Легла дорожка парадной скатертью.

Эти дети грибов... Они из другой песочницы.
Их стихи – как еда из вражеского «МакДональдса».
Понимаю, что иногда и фаст-фуда хочется,
Но пропахли они политикой – сверху донизу.

Рок-н-ролл – как упрёк для грибьего их сознания.
Между строчек у них – сплошной майонез да кетчупы.
Наше место... Не дрейфи, нами же нагло занято,
И пускай графоман застрелится – в шляпке клетчатой.

Наше место – оно с такими же сумасбродами,
Кто живёт по уму и сердцу. Кто верен истине.
Ну, а дети грибов – торгуют на рынке Родины,
Называя себя борцами – поверишь, искренне.

Та грибница давно опутала землю-матушку
Метастазами чёрной гнили, душевной низости...
Я не пьяная. Мне отравы грибной достаточно.
И развязка – она, поди, постепенно близится.

Я тебе расскажу, как будет. Однажды вечером
Мы восстанем с тобой из пепла, как птицы-фениксы,
И не будет грибов. И бляенья их овечьего.
А поэзия... Что ж, она никуда не денется.

Марь Иванна

Душный сентябрь в кровавом и дымном зареве.
 В тесном котле столицы – людское варево.
 Счастье, что мы с тобой не родились тварями:
 Лучше уж быть никем, чем не в меру всем.
 Здесь единица плоти – как ноль без палочки.
 Сонная Марь Иванна сидит на лавочке,
 Перебивая кости соседке Галочке.
 Сунула Богу свечку – и нет проблем.

Этот мирок – в агонии. Только кажется,
 Будто бы в нём отыщется место каждому.
 В здешних широтах небо – и то загажено,
 Что говорить об улицах и лесах?
 Вновь Марь Иванна бредит о славе нации –
 Делится политической информацией.
 Как метастазы, в души ползёт стагнация.
 Хочется выть. А где-то на полюсах

Тают снега. В глобальное потепление
 Люди не верят, молча лежат поленьями.
 В затхлых своих углах мы – всего лишь пленники.
 Тонет корабль. И крысы идут ко дну.
 В обществе брёвен страсти давно обузданы,
 Жизненный смысл теряется в тоннах мусора,
 А Марь Иванна сетует: слушать музыку –
 Грех, и похвально слушать её одну.

Вроде бы, безобидна в своём невежестве,
 Но посещает все городские шествия,
 Веря, что все напасти её – от беженцев,
 И продаёт недорого самогон,
 Чтобы внучок, под пиво хрустящий снеками,
 Дальше менял айфоны и дрался с неграми...
 Брёвна гниют под солнцем – бежать-то некуда,
 И над планетой гложет последний звон.

* * *

Не дай мне, Господи, пойти
 На поводу у жирной стаи!
 А я к Тебе – на полпути,
 Но по привычке опоздаю.

Да я не плачу – я реву,
 Я не пою – я просто вою.
 Целую сонную траву,
 Благословляя поле боя.

И ненасытна красота –
 В её плену однажды сгину...
 Я не стреляю просто так,
 И никогда не целюсь в спину.

По застарелым ножевым
 Струится боль – как после драки.
 Моё напутствие живым –
 Не отравлять надежду страхом,

А если пить – так пить до дна,
 А если петь – так в полный голос.
 Бывает правда не одна,
 И даже ложь бывает голой.

Наверно, страшно умирать,
 Когда не жил, не был, но выбыл...
 Случайных встречных номера
 Не сохраняю. Тёплой глыбой

Придавит память. Я слепаю
 Воскресших нас – из глины неба...
 Я всё равно её люблю –
 Родную был, чужую небыл.

Русский путь

По дороге, мечтой поколений омытой,
Мы идём без оглядки в туманную даль,
И в небесной пыли утопают копыта,
И метелью глаза выжигает февраль ...
Что оставили мы? Опустевшие избы,
Полусгнившие срубы, развёрстую хлябь ...
Видно, в царстве слепых для прозрения избран
Тот, кому не впервой по ухабам вихлять.

Мы летим напролом, даже если не рады –
Не стреножить почуявших волю коней,
Вдоль берёзовых рощ, мимо ветхой ограды
И судьбы, что лицом повернулась ко мне,
А в глазницах – печаль и злорадная жалость:
Мол, чего разгулялись – в такую-то рань?
И не дремлет в устах прозорливое жало,
И несётся вдогонку ядрёная брань.

Не развеять похмельем чумного угара,
Если песня допета – изволь, помолчи!
По-цыгански привольно тоскует гитара
И еврейская скрипка рыдает в ночи ...
Позади – чернота деревенских погостов,
Золочёная гниль осквернённых церквей,
И рыдают по нам сиротливые вёрсты,
Словно мать потеряла в бою сыновей.

Держим путь наугад – запорошены тропы,
И уже всё едино: что Бог, что порог,
А душа, обезумев от скачки, торопит –
То ли в ясный чертог, то ли в тёмный острог ...
Потускнеют огни промежуточных станций
И поникнут штыки пограничных столбов ...
Но хорош заливать: «Вы могли бы остаться» –
Не за тем нас к чертям послали с тобой.

Покосившийся крест – судьбоносная вежа,
Указующий перст – заржавельный приклад.
Всё открыто для нас – и чистилище века,
И грядущего рай, и насущного ад ...
На усталых устах замерзает молитва,
Утопает вина в недозрелом вине.
Мы уходим во тьму, и проиграна битва,
Чтоб глядящие вслед победили в войне.

Предпасхальное

Сердце болит, как будто устало биться,
Зная: к его морзянке Создатель глух.
Время берёт поэта за вялый бицепс
И отрезвляет: место твоё – в углу.

Люди ослеплены подготовкой к Пасхе:
Ломятся полки. Души, глаза – пусты.
Я – из угла – слежу за коварной пляской
Наших «вождей», что строго блюдут посты.

«В тренде» сейчас корзинки, цветные тряпки
С надписью красной краской: «Христос воскрес!»
Хвалятся куличами соседки-бабки:
Мол, у меня – вкуснейшие, вот-те крест!

«Манька-то экономит на яйцах, стерва!»
«У куркулихи Людки – темна мука!..»
Самое время – жить, экономить нервы,
Не позволяя в склоки себя макать.

Синее небо. Солнце. Снуют маршрутки,
Но леденеет в горле солёный ком.
Словно зима, сыгравшая злую шутку
С нашей страной – по прежнему за окном.

Мне говорят, я – враг, эмигрант, предатель.
Мне говорят, я – овощ, фашист, совок.
Сложно любить людей – без привязки к дате.
А над планетой бродит кровавый смог...

Правду свою в сердцах доверяю блугу –
Я не могу трусливо «молчать про честь».
Сердце болит по-прежнему – слава Богу!
Если болит – наверное, всё же, есть...

My Neverland

Осень. Вечная, серая, мёртвая осень.
 И не хочется петь, потому что не просят.
 И не хочется пить, потому что отбросы
 Узурпируют сладкое слово «запой».
 Брат, чего тебе надобно в здешних широтах,
 Где безоблачно счастливы только уроды,
 И корячится ночь в затянувшихся родах,
 А метро так похоже на душный забой?

Здесь линиялое, тусклое, хворое небо,
 И четыре угла – сокровенная небыль,
 Но не стоит о том, что задуматься мне бы
 О поездке на юг. Там едва ли теплей.
 Я стараюсь не помнить, ни кто мы, ни где мы,
 Сочиняю легенды на вольные темы...
 Ой, да брось ты – какая мы, к чёрту, богема?
 Научиться бы лучше летать на метле.

Здесь поётся и пьётся и дышится залпом –
 Так не слышен глетворный удушливый запах.
 Мне плевать, что прогнило – «совок» или Запад,
 Просто хочется снега. В наличии – дождь.
 Ну, кому мы нужны – хоть себе-то признайся –
 Там, где глотки грызут за дешёвые яйца,
 Где туземцы привыкли по жизни бояться,
 И желательно, чтобы бесчинствовал вождь?

Но тебе не понять. Да и нужно ли это?
 Возвращайся в своё безмятежное лето.
 Я – останусь. Прогулки по берегу Леты
 Иногда позволяют взглянуть свысока.
 Хоть порою и хочется не просыпаться,
 Я сжимаю горячие нежные пальцы.
 У меня всё сложилось. А эти паяцы...
 Леший с ними – недолго осталось скакать.

Амнезия

Отчего, скажи на милость,
 Беспросветен майский день?
 Если память заблудилась,
 Есть примета: быть беде.

Ничего уже не будет,
 Хоть издохни от тоски.
 Всё смешалось: кони, люди,
 Кости, слёзы, пикники.

Кабаки, хоромы, плахи...
 Строгой вечности вердикт:
 Здесь историей не пахнет –
 Здесь невежеством смердит.

Кто возьмёт билетов пачку
 В европейский сладкий рай?
 Толпы дамочек, собачки,
 Молодёжный липкий драйв,

Отмороженные чувства.
 Огороженный уют.
 Вот немного – и начнутся
 Будни сытые в раю.

Отчего же так терзает
 Замогильная печаль?
 Время – Божия борзая –
 Мчится мимо. Как печать

Непрощения, застыла
 Эта пляска на крови.
 Позабыто всё, что было.
 Едкий запах трын-травы.

На траве резвятся дети.
 Ловят модницы загар –
 Подшофе, едва одеты.
 Теннис. Пиво. Бабий Яр.

Выход

Что было – за кадром давно.
 Что будет – не снято. Стоп.
 Уже не пугает кино,
 Где всех помирил потоп.

Уже не дурманит вино,
 Вина не терзает. Вдруг,
 Предательски смыйтый волной,
 Ты сам отвергаешь круг.

И тонешь, и тонешь, и то,
 Что важным казалось – пыль.
 Иконы и кони в пальто...
 Фантастика – или был?

Иллюзий чумной карнавал,
 Рассудок в крутом пике,
 И танец семи покрывал
 В кармическом тупике.

А выход... Казалось бы, нет,
 И темень слепит глаза.
 Но где-то скребёт в глубине
 Призыв: оглянись назад!

И время течёт по шагам,
 Не сделанным – ну и пусть.
 Бесшумно летит шелуха
 Сквозь пальцы. Команда «Пуск» –

И ты наконец-то дошёл
 До главной своей двери,
 Когда обнажённой душой
 Наткнулся на свет. Не ври,

Что было не страшно. Итог:
 Разбивший твои мечты
 Ещё не родившийся Бог –
 И есть настоящий ты.

Батискаф

Ни и о чём не просить. Ничего никому не сказать.
 Прозвенеть в пустоту одинокой ошибочной нотой.
 Никуда не свернуть – безысходна дорога назад,
 По привычке бежать запыхавшейся белкой в цейтноте.

Не включаться в игру «победители мечут икру»,
 Но себя по утрам загонять на работу, как в лузу.
 Даже небо крушить – если камнем ложится на грудь,
 Вытирать со стола зачерствелые крошки иллюзий.

Так сложилось. И что? Здесь возможно иначе, мой Бог?
 Здесь вокруг – ни души, а в душе – непролазные дебри.
 Я не знаю, каким был задуман эффектный итог,
 А пока – чёрт-те что, сбоку бантик – дизайн непотребный.

И спастись бы – да больно высокий назначен тариф.
 И доплыть бы, да берег так зыбок, что вряд ли удержит.
 Ну, чего тебе надобно, Боже? Скорей говори,
 Только ты не услышишь, как хрупкий ломается стержень.

От себя не уйти, и срываться бессмысленно в бег.
 Ни на юг, ни в Сибирь, ни на Марс, что зачем-то открыли.
 И спускается снег – кружевная накидка для бед.
 Мне не нужен обман – даже сладкий. Верните мне крылья!

Но по пояс в воде. Омывающей раны воде.
 Только плыть – не летать, если ты – не безумная рыба.
 Мы застряли нигде. В междумирье. И в каждом вожде
 Признаём чужака. И доводим до нервного срыва.

Ну, чего тебе, Бог? Ты ещё не насытился, нет?
 Не хватило экспрессии? Или чего там – экстрима?
 Утопаю в вине. Погибаю на каждой войне.
 Воскресаю вдвойне. И пишу. И люблю. И – любима.

Вместо страсти в кино наблюдаю эффект домино,
 И догадка грызёт, что поспорили Бог и лукавый.
 Подтверждения нет. Но гляжу: постепенно на дно
 Погружается мир за стеклом моего батискафа.

Нирвана

Свобода достигается легко:
 Реальность мотивирует пинком,
 И ты уже настолько далеко,
 Что бывшим даже спрашивать неловко.
 И всё, чего так жаждала душа:
 По хостелам полгода без гроша,
 Работа в гипермаркете «Ашан»
 И Киев-град – вселенская парковка.

В дешёвом коньяке утоплен шлак:
 На три весёлых посланный филфак
 И порванный крестом немецким флаг –
 Двухцветный пропуск в рай для потреблятей.
 В мороз и зной в армейских сапогах –
 Такими только льготников пугать –
 Любовью сыт, поэзией богат,
 Ни кум, ни сват серьёзным толстым дядям.

И вроде бы – ну, вроде – не дурак,
 В запое враг – а, значит, не до драк,
 Но тянет – не в канаву, так в овраг,
 Хоть мог бы гнить блаженно на диване.
 Так нет же – вечность ломится в окно,
 И небо уплывает из-под ног,
 И ты, как сам Всевышний, одинок
 В своей необустроенной нирване.

Свобода постигается на раз.
 На два – не выполняется приказ.
 На три – неважно, тормоз или газ:
 Ты даже под конём лихой наездник.
 Ты всё равно напросишься на мечь...
 Надежда греет, сладкая, как лещь,
 Что всё же на планете место есть,
 Где ты – желанный гость, хотя – неместный.

Рассвет

Рассветный город. Улицы пусты,
 И суть вещей обнажена до плоти.
 Ну, кто сказал, что однозначно плохо –
 Сгореть. Не задохнуться, не остыть.

А люди на работу – как на пляж,
 На жителей столичных непохожи.
 Похмельный терпкий воздух. Вместо кожи –
 С годами поседевший камуфляж.

Нам некого винить. Нам нечем крыть.
 В агонии эпох – своя услада.
 Мы не завоеватели – солдаты.
 У ренегатов – бешеная прыть.

Иуда нервно курит в стороне.
 Сдают своих за грош – не за тридцатку.
 А мы – как Вечный Жид, в сухом остатке,
 И есть, чего налить – но тары нет.

Могли бы залихватски – «из горла»,
 Но зрелости гусарщина постыла.
 Неправда, что враги заходят с тыла.
 Стервятник – не счастливее орла.

Он просто сыт. Таков его удел –
 Питаться тем, что Бог послал от чёрта.
 А мы не ждём ни славы, ни почёта,
 И не ведём учёт полезных дел.

Мы – ангелы подвалов и трущоб,
 Мы – демоны стяжательского рая,
 Мне кажется порою – догораю,
 Но страх не принимается в расчёт.

Я буду жить – назло ли, вопреки,
 Упрёком, неизбежностью, кумиром.
 Вся правда – не в священных книгах мира,
 А в дружеском пожатии руки.

Королевская история

Королева была беспробудно и горько трезва,
Как трезвы только смертники перед последней атакой,
А бескровные губы беззвучно шептали: «Не плакать...»
Он ушёл – и, конечно, её за собой не позвал.

Вспоминались турниры и войны, пиры и чума,
И роскошная спальня – холодный альков одиночки.
Этот, новый властитель похож на того – и не очень.
Но молчит с наконецником в сердце распятый шаман.

Королева могла бы отречься – хотя бы назло –
От престола, что ей опостылел давно и надолго,
Только предок с глазами усталого старого волка
Улыбался с портрета, и жгла диадема чело.

Королева не верила в сны. Осквернённый алтарь
Остывал, и над ним угасали бесстрастные звёзды.
Всё, что было отложено – стало безжалостно поздно...
Догорали леса и дымились руины – как встарь.

Этот, новый – он статен и строен, кудряв и высок.
Тот, ушедший, в минуты обиды казался уродом.
Но она – королева, наследница пыльного рода...
Отчего так предательски знойно пылает висок?

И, казалось бы, кто и за что осудил бы её?
Все свидетели прочно упрятаны в серые глыбы.
Отчего же так тягостен, так изнурителен выбор,
И любые попытки избегнуть – по сути, враньё?

Королева готовилась. Не было сцены пошлей,
Но расчёт оправдался: он дрогнул, притворно суровый.
Вытирая брусничные спелые бусинки крови,
Театрально за ней волочился истрёпанный шлейф,

И бесшумно захлопнулась дверь на пороге беды.
Ну, а свадьба, по-варварски пышная, выдалась шумной.
Правда, новый король (вероятно, советник был умный)
Не спешил задаваться вопросом: а кто победил?

В обратной перспективе

*... И пускай бережёт справедливый и ласковый Бог
Своенравных глупцов, обречённых на трудное счастье.*

Елена Лазарева

Лебединая песня

Догорает заря, обесцвечены сны,
Я застряла на старте у третьей сосны –
Тупиком горизонт, заподозрить подвох мне бы.
Я искала дорогу, да кто виноват –
Указатели к Богу нацелены в ад,
И падение, видно, единственный путь в небо...

А пока на окне дотлевают свеча,
Разрешаю курить, умоляю молчать
И в предсмертной тоске называю тебя другом,
Оглушённая криком разбуженных стай,
Истукпленно шепчу: «Удержи, не бросай!..»
... Но земля пошатнулась, на миг разорвав руки,

И от плача слепа, и от боли нема,
Безуспешно тебя я пыталась поймать,
Да с крылатым бескрылому вряд ли дано спеться.
Безутешный полёт продолжаю одна,
И пока не коснусь обнажённого дна,
Достучаться успею хотя бы в одно сердце.

Я, от страха дрожа, ни о чём не молю,
Раскрывает беда ненасытный свой клюв
И поглотит вот-вот – мой подходит черёд, знаю,
Лишь отчаянно верится – наверняка
Дрогнет меч обронившая чья-то рука
И подхватит надёжно и нежно моё знамя.

Обо мне не печалься – мой финиш неплох,
Вспоминай иногда – хорошо бы с теплом,
На излёте весны постарайся судьбу встретить,
Посмотри ей в глаза без обиды и зла,
Поклонись благодарно за то, что спасла,
И живи за двоих – но пока не пришёл третий.

Счастье моё

Где же ты, где же ты, где же ты, где же ты,
Счастье моё?
Чувство победы, над страхом одержанной,
Крылья даёт.

Крепко настоящей трепетной нежностью
Плечи укрой.
Знаешь, любовь не допустит небрежности –
Станет игрой,
Если когда-нибудь мы разуверимся
В силе её...
Небо пропитано запахом вереска,
Небо поёт.

Не размыкает ладони усталые,
Держит и ждёт.
Мы разлетаемся сонными стаями,
Пахнем дождём.
Южному полюсу Северный ветрено
Письма свои
Шлёт и выводит рукой неуверенной
Имя любви.

Снятся холодные, зимние, снежные
Вещие сны,
Миру, пленённому бешеной свежестью
Нашей весны.

Оба до самых корней сумасбродные –
Можно ли так?
Снова колени и локти изодраны,
Снова летать,
И разбиваться над солнечной пропастью
И воскресать...
Небо окутано ласковой робостью,
Плачет роса.

Цепко сплетённые пальцы, пожалуйста,
Не разжимай.
Небо и море не ведают жалости...
Сводит с ума
Эта усталая, талая, шалая
Вечность-вода...
Выстрадать, высказать самое малое –
Не опоздать.

Если загнёмся в плену неизбежности –
Только вдвоём...
Где же ты, где же ты, где же ты, где же ты,
Счастье моё?

Точка отсчёта

Это было когда-то – быть может, со мной...
 Мы столкнулись в упор на орбите земной,
 Стали кровью единой и взмахом крыла.
 И продолжили путь на одной высоте –
 Опоздавшие к Богу не ждут новостей,
 Наслаждаясь полётом... А я не врала –
 Что немыслимо рада остаться живой,
 И что нет кроме неба у нас ничего –
 Береги свои струны, мой нежный солдат.
 Пусть ожогом горит на устах поцелуй,
 Растекаются нервы дождём по стеклу,
 И нацелены в спину разлук холода...

Барабанная дробь разрывает висок,
 И безрадостен юг, и коварен восток –
 Только север намечен пунктирами стай.
 Наши души увязли в солёном снегу,
 Разорвать по живому уже не смогу –
 Проникая сквозь кожу, во мне прорастай,
 Помогая на равных с тобой догореть.
 Быть моложе на четверть и старше на треть –
 Беспокойная участь, но даже в бреду
 Выдыхала молитвенно слово «люблю»...
 Завывали ветра макабрический блюз,
 Я упрямо шептала, что всё же приду –
 И неважно, куда, если знаешь, зачем,
 Неподкупное время – судьбы казначей –
 Каждый шаг отследило, плачу по счетам.
 Забываю о боли в объятьях твоих,
 Уцелевшую ласку делю на двоих,
 А вокруг беспросветна сердец нищета.

Безучастие духа и плоти разгул,
 Поневоле сочувствуешь даже врагу,
 Замирая от страха у самых границ –
 Это пропасть, в которую мы на лету
 Окунулись на миг, и по тонкому льду
 Убегаем всё дальше, и свято храним
 Откровение то, что даётся взамен
 Кабалы очагов, плесневеющих стен,
 Где почти невозможно дожить до весны.
 А мои горизонты горят наяву,
 Я пропахла любовью, а значит, живу,
 Нас приветствует солнце, и мы – спасены...

Август

В небе слепой обезумевший август
 Солнце венчает с дождём.
 Я вдохновенно мараю бумагу,
 Будто ещё не рождён
 Стихосложения гений мятежный –
 Наше бессмертное всё.
 В каждой строке изливаю надежду,
 Мне говорят – не спасёт...
 Добрые люди счастливых не любят,
 Злые – всего лишь, честны.
 Лучше родиться весёлым и глупым...
 Нам бы дожидаться весны,
 Чтобы под сенью холёных каштанов
 Прячаться от суеты.
 Где же ты, где же, апрель долгожданный?
 Я приручаю мосты,
 Ты – обживаешь уютные крыши,
 Гладишь пушистых котов...
 Хмурый прохожий презрением брызжет –
 Значит, ещё не готов
 Видеть живые и светлые лица,
 Слушать простые стихи...
 «Мирные граждане» даже в столице
 Провинциально глухи,
 Их тяготят настоящие чувства –
 Сразу обида и шок.
 Мы постигаем святое искусство
 Жить обнажённой душой.
 Плачет холодная рваная просинь,
 Время дрожит на ветру...
 Счастье – всеильно. И только попросишь –
 Я никогда не умру.
 Даже в пучине порочного круга
 Хочется плакать и петь.
 Если Господь нас доверил друг другу –
 Ближним придётся терпеть...

Романс

Угасает свеча, и дымится огарок,
 Распускается тень, словно шрам, по стеклу,
 И неоновый свет возмутительно ярок,
 Но распахнута ночь в непроглядную глубь ...

Я целую тебя – как положено, в губы,
 Что-то нежно шепчу – ты упорно молчишь,
 И струится легко сквозь притворную грубость
 Неизбывная грусть, безотрадная тишь.

В этом городе ночь так похожа на праздник –
 Фейерверк фонарей, хороводы витрин ...
 Упаси меня Бог от надежды напрасной –
 Той, которая всё выжигает внутри.

А разлука своё отупевшее жало
 Погружает в меня. Пробирает озноб.
 Мне обидна твоя элегантная жалость,
 И брезгливый рассвет – как отъявленный сноб.

Мы – небесная пыль, мы – земные скитальцы,
 Чьё клеймо не дано покаянием смыть.
 И не нужно ласкать утомлённые пальцы,
 И не нужно искать в междометиях смысл ...

Угасает свеча, и пустеют бокалы,
 Недопитая боль оседает на дне.
 Разве это не то, что невольно искала,
 Что по воле моей предназначено мне?..

Исповедь

Ночь целых. Явилась на свет, а меня не ждут.
 Обратно метнулась. Вернули – и не спросили.
 Верстала судьба заковыристый мой маршрут
 На ощупь. И не научила дышать вполсилы.

Три года. «Уйди – под ногами не мельтеши».
 Обида терзает удушьем, и больно плакать.
 Гостинка. Пропахшие кошками этажи.
 Вороны. И ржавый турник. И густая слякоть.
 Шесть лет. Извела все ремни. Научилась врать.
 «Скотина! Уродина – в мать!» «Не скажи – в папашу!»
 За ширмой гудит телевизор. Моргает бра.
 И слышен сквозь тонкую стенку соседский кашель.

А в десять, губу закусив и глотая кровь,
 На стаю трусливых шакалов – отбросив ужас.
 «Очкарик! Позорное чучело!» «Рот закрой!»
 И солнце полощет ладони в весенних лужах ...
 Двенадцать. Он – самый красивый! Он лучше всех!
 В тетради кривую строку вывожу несмело.
 Учитель случайно находит. Вдогонку – смех.
 Записка на чёрной доске – аккуратно, мелом.

Тринадцать. «А хочешь по-взрослому?» «Не гони!»
 Цыплячьи синюшные тушки во тьме подвала.
 Воротит. Его поцелуй – такая гниль ...
 Задворки. «Вон та, толстозадая, мне давала ...»
 Шестнадцать. Надежда на чудо сошла на нет,
 А губы давно потеряли и вкус, и запах.
 Не верю в кофейную гущу, во власть планет,
 Привычно гранёный стакан осушаю залпом.

За двадцать. «Сначала диплом!» «Мужики – козлы!»
 Отстаньте. Я правду свою оплатила сердцем –
 Остыло. Подделки под чувства, и правда, злы,
 А тело разит ароматом дешёвых специй.
 Формальность. И белое платье, и гости – вдрызг.
 Похмелье. Помпезный банкет из обрывков соткан –
 Из «Горько!», подвязки, шампанского липких брызг.
 Измена. «Да ты на себя посмотри, красотка!»

Больница. Целебной отравой в меня плюёт
 Спаситель в измятом халате, толкая речи.
 ... А в тридцать Господь мне в награду послал её.
 «Удержишь?» Кивнула и сделала шаг навстречу.

Чистосердечное признание

... А когда мы рождаемся – дети как дети –
 Небеса отражаются в наших глазах,
 Но безжалостно вьётся по хрупкой планете
 Хитроумного времени злая лоза.
 Мы растём, наливаясь неистовым соком,
 Захмелевшие, травимся тайной мечтой,
 И дорога к себе неподкупно жестока,
 Но трусливо свернуть не заставит ничто.
 Сквозь броню изо лжи и душевного спама
 Пробивается вдруг вожделенная суть,
 Сгоряча отрекаются папы и мамы,
 А друзья беспросветную ересь несут.
 Словно очередь – вслед беспричинная ругань ...
 Но, разбитые в этой нелепой войне,
 Беззаветно и трепетно любим друг друга,
 Выбирая судьбу, что терниста вдвойне.
 Мы не ждём сострадания – было бы странно,
 Отвергаем покой – он живым ни к чему,
 Не таимся – сплошные открытые раны,
 Не стыдимся собратьям несвойственных мук,
 И шатается их триумфальная арка,
 И смешна большинства неумная спесь ...
 Выгораем дотла – вдохновенно и ярко,
 Допевая без фальши прощальную песнь.
 Нас порой предадут, не считая заторным,
 В нас плюют клеветой, оскорблённо треща.
 Потаённая боль заменяет покорность,
 И сложнее всего научиться прощать.
 Пусть изранены в кровь утомлённые ноги –
 Прирастает к рубцам леденеющий путь,
 И не страшно к развязке прийти одиноким –
 Безотраднее кануть бесславно в толпу.
 Только чуждо земле ядовитое семя –
 Отдыхает природа на рьяных борцах ...
 ... А когда мы уходим, забытые всеми,
 Небеса растворяются в наших сердцах.

Опасный полёт

Мы выгораем дотла, рассыпаемся порохом,
 Святостью ближних проложен последний маршрут –
 Смелость идти за любовью обходится дорого,
 Небо пронзает глазами, которым не врут.

Вряд ли погибнем – искусство не терпит банальности,
 Просто уйдём, утомившись от вечной стрельбы.
 Мне для тепла не хватает под занавес малости –
 Чтобы расшибились о нас деревянные лбы.

Нам упоённо вещают о «низком падении» –
 Мы своевольно парим, высоту приручив,
 А в разношёрстной толпе недопризнанных гениев
 Слышен залиvistый смех без особых причин.

Плечи твои обнимаю – обманчиво хрупкие,
 Падаю грудью на стылую рвань проводов,
 Хочется жить, прирастая друг к другу скорлупками
 Тёплых сердец, переполненных талой водой.

Нежность моя проломила бы панцирь Антарктики,
 Дерзость моя покорила бы сотни вершин,
 Только решительный шаг от теории к практике
 Должен, как выстрел, быть меток и непогрешим.

Это легко – не поверить, а просто довериться,
 Если сроднились изгнанники мёртвых миров.
 Мы – обладателям крыльев шальные соперницы –
 Дух закаляем в сырых казематах метро,

Не разжимая ладоней, купаемся в пропасти,
 Бьёмся немеющей плотью, как рыбы о лёд,
 Дышим неровно в порыве отчаянно робости,
 Благоговая себя на опасный полёт...

На обочине мира

Здесь – плакучие сосны и колючие вербы,
Быстроное небо – нипочём не догнать.
Мы, влюблённые в город, одинокий и нервный,
Ни о чём не жалели, допивая до дна

И ступени брусчатки, и метро – как некрополь,
И весёлые тризны по ушедшим снегам...
На обочине мира я – седеющий тополь:
Здесь гламурного гнома не ступала нога.

Было утро туманным, и кривые дороги,
Извиваясь, как змеи, утопали в траве.
Я не знала, что дальше, только там, за порогом,
Одичалые звёзды свой дарили привет.

Говорят, что надежда, как святые, нетленна,
Даже если погибнет, даже если – дотла.
Я тебя полюбила на закате Вселенной,
На пожарище мира – острой вспышкой тепла.

Мне не надо от Бога ни богатства, ни славы,
Ни уютного быта – это всё ни к чему,
Лишь бы встретиться снова у небесной заставы –
Я найду, я узнаю и покрепче прижму.

И не страшно на север, в запредельные дали,
Где из пепла и мрака возрождается свет.
Где без разницы, сколько мы с тобой повидали,
На каких горизонтах свой оставили след.

А на улицах – те же безмятежные лица,
Череда уик-эндов, жилямассивов огни...
Мне, наверное, проще умереть, чем смириться
С унижением сердца, неспособного гнить.

Я его отогрела, собрала по осколкам –
Из-за хрупкости этой мы опять на мели...
...И как будто деревья на могиле Аскольда
Что-то важное знали, но сказать не могли.

* * *

Мне маленькое кажется большим:
Рисую жизнь в обратной перспективе...
Тягучий зной, что так тебе противен,
Разлётся под колёсами машин...

А у тебя на кухне, как всегда,
Рыдает недобитая посуда,
И едкий быт сочится отовсюду
Как мутная горячая вода...

Соседи притаились у глазков –
С такой бы страстью разгружать вагоны,
Отравлен воздух гнилью самогонной
И тяжким духом кошек и носков.

Безделье топят в рюмке мужики,
Хозяйки жарят, парят и судачат
О детях, о еде, болезнях, даче...
Земля на небо воет от тоски...

Несу не бред – несу тебе весну
На лепестках распахнутых ладоней,
И твой мирок в моей Вселенной тонет,
Чтоб я сегодня не смогла уснуть...

Крымская ночь

Над нами – неба чёрный виноград
 В истоме истекает спелым соком,
 И хочется без устали нырять
 В ночную зыбь – латать прорехи окон,
 Ладони о пиалу согреть,
 Зелёный чай прихлёбывать неспешно...
 Стареющая рыжая трава
 Чуть слышно шелестит о неизбежном,
 Недолгую прохладу мудрый конь
 Лакает бархатистыми губами,
 А звёзды, как ведётся испокон,
 Плетут густую вязь над головами,
 Лаская упоённо груди гор,
 Исследуя холмов тугие бёдра.
 Напевность обретает разговор,
 Дрова в костре потрескивают бодро...
 В степи живое кажется живей,
 А неживое – проще и понятней,
 И здешние лаванда и шалфей
 Особенно свежи и ароматны.
 Витает южных специй терпкий дух
 Над россыпью ветвистых крымских улиц.
 Прозрение является не вдруг,
 Но чтобы мы сюда ещё вернулись,
 В колодец брось монетку – не скупись,
 Земные блага призрачны и тленны...
 Ты просто слушай, вглядываясь в высь,
 Ритмичное дыхание Вселенной.

В ритме счастья

Дождь по стёклам – в ритме регги,
 Наобум считаю шпалы,
 В небо прыгаю с разбегу –
 Я упала, я пропала,
 И лечу тебе навстречу –
 Электричество по коже,
 И пугаю громкой речью
 Осмотрительных прохожих,
 Сокращаю средний возраст,
 Совращаю светофоры,
 Недозволенную скорость
 Набираю – до упора,
 Тормоза дрожат в испуге,
 Привыкая потихоньку...
 В ритме джаза, буги-вуги
 Мы ведём шальную гонку –
 Соблазнительно опасны,
 Целомудренно коварны,
 Все усилия напрасны –
 Я сегодня знойный варвар.
 Не надейся на пощаду –
 Завоюю, заласкаю,
 Буду щедрой, буду жадной,
 Отобьюсь от серой стаи,
 Покорю вершину мира
 Восхождением на крышу,
 Рок-н-ролл на звонкой лире,
 Кудри – только в медно-рыжий...
 Замираю... Неслучайно
 Сердце бьётся часто-часто,
 И давно уже не тайна:
 Мы играем в ритме счастья!..

Хочется жить

Хочется жить... Хочется жить.
 Вольному – небо.
 Я прилечу – только скажи,
 Вырваться мне бы
 Из белизны, из пелены
 Облачной ваты...
 Мы не больны, мы – влюблены.
 Я виновата
 Перед тобой. Перед войной
 Боги не плачут.
 Выпей вина – только бы вновь
 Душу не пачкать.
 Ревность – беда, верность – вода.
 Сомкнуты пальцы.
 Края земли не увидать,
 Но – улыбайся.

Хочется быть, хочется плыть...
 Мы – океаны.
 Ночи светлы, звёзды теплы,
 Окна-капканы.
 Не опоздай, не отпускай –
 Струнами вены.
 Звуки-слова мельче песка –
 Таю мгновенно.
 Не уроню, свято храню
 Нежные тайны.
 Сердце моё помнит броню
 Бешеной стаи.
 Время до нас не достаёт –
 Взорваны зоны.
 Счастье моё, дальше – вдвоём,
 Сквозь горизонты.

Два часа

Два часа – и опять по своим полюсам...
 Два часа беззаветной, доверчивой лени.
 Просто прятать лицо у тебя на коленях,
 Просто верить сердцам и не верить глазам...

Два часа – и желание что-то сказать,
 И молчание – знак настоящего чувства
 (Ничего не испортить – святое искусство),
 И случайный приют – многоликий вокзал,

Где легко затеряться и трудно найти...
 Два часа – обрамлённая стрелками вечность.
 Словно высшие силы на светлое вече
 Собрались, освящая начало пути.

Два часа... Для влюблённого – целая жизнь.
 Я целую горячие тонкие пальцы
 И не смею печалить мольбами остаться.
 Позвони по прибытии. Только держись...

Высыхают на коже слезинки твои,
 И в меня проникает родная частица,
 Ты позволь мне надеждой своей причаститься...
 Два часа разделила судьба на двоих.

Отпускаю тебя, запрещая себе
 Провожать самолёт с потаённой молитвой.
 Ожидание – та же незримая битва,
 Мы победу должны одержать у небес.

А толпа провожающих просто больна
 Одержимостью сделать из жизни повинность.
 Истекают целительной сладостью винной
 Два часа, без которых бы не было нас...

Самолёты (Аэрофобия-2)

Разлетаюсь на части,
Оживаю от счастья,
Мы невольно причастны
К самой светлой любви.
Расстаюсь неохотно,
Не люблю самолёты –
 Попрошу полиглотов
Не шипеть: «Се ля ви...»

Я – усталая птица,
Что полёта боится,
Сквозь ресницы струится
Высоты синева.
И всё так же при встрече
Обнимаю покрепче,
Ошалелой картечью
Выдыхая слова.

Значит, всё ещё живы...
Небеса торопливы,
Так пугливо игривы
И нежны облака.
Самолёты беспечны,
Их покатые плечи
Прихотливая вечность
Наряжает в шелка.

Серебристая стая
Грациозно взлетает,
Атмосферу листая,
Словно чей-то дневник.
Забывается быстро
Захолустная пристань,
Где к тетради перистой
Упоённо приник

Непоседливый лучик...
Я не знаю, что лучше,
Улетая, не слушай,
Прибывая, звони.
И наполнена фляга
Исцеляющей влагой,
Но, прощаясь, не плакать
Не могу – извини...

Тоскую

Тоскую... Звонки уходят пунктиром
На небо, наши квартиры
Грустят, пустяя без нас.
Рискую... Я знаю, счастье – возможно,
Учусь его осторожно
Ловить губами. Весна
На взводе – устала быть вдохновлённой,
Мирить беспечных влюблённых,
И тихо плачет в углу.
Свободу! Не надо думать о прошлом,
Казаться самой хорошей,
Копать настойчиво вглубь...

Не дремлет младенец-небо в коляске...
Расслабься – точечной ласке
Позволь себе уступить.
Не время... Тоскую... Ночи без боли
Меня почти закололи,
Разлуке в лоне степи
Не спится, ещё чуть-чуть – и растопчет,
Разлука сделала общим
Всё то, что носим в себе.
Мы – птицы... Летать, шептать без истерик,
Что есть большее потери,
Чем вера в силу небес...

Взрослеем, теряем юности свежесть,
В глаза смеемся невеждам,
Что нам пророчат конец.
Слабею, но вдруг у края капота
Раздастся гул самолёта,
И ты вернёшься ко мне?..
Простую святую истину помню,
И мир, как будто огромный,
Свернулся в мягкий клубок.
Тоскую... Пишу солёные письма,
Пока рассвет не нависнет
Над нашей общей судьбой...

За тобой

Не заглядывай в пропасть – не стой на краю,
 В этой адской зиме мы с тобой как в раю,
 И царапаю небо зрачками без дна –
 Я уже не одна, не одна, не одна!

А когда невесомыми станут шаги,
 Заметая следы, все улики сожги,
 Но пока не рискуй, не дыши на золу –
 Не целуй, не целуй, не целуй, не целуй...

Барабаны в груди – невпопад, наугад,
 Не смотри на часы, не грусти на закат,
 Я привычную дань уплачу декабрю –
 Не проси огонька, не курю, не курю.

Леденеть на ветру – на ресницах твоих,
 Даже выстрел разделим с тобой на двоих,
 Оправдания нет – обвинитель суров,
 Новобрачными ляжем в горячий сугроб.

Перепутаны пальцы – своих не узнать,
 Я полночи займы отвоюю у сна,
 Поцелуев наркоз – добровольно сдаюсь,
 Обессиленных тел безупречный союз.

Светофоры молчат, привыкаю бежать
 Штрих-пунктирной строкой по чужим рубежам,
 И какой-то из них остановит меня –
 Всё равно, ничего не желаю менять.

За фальшивую ноту, за робкий аккорд –
 Неуступчивых глаз беспощадный укор,
 Позволяю на крохи себя измельчить –
 Я прошу, не молчи, не молчи, не молчи.

Мы читаем стихи онемевшим друзьям,
 Хоть ханжи возмущённо шипят, что нельзя.
 От последней присяги – в решающий бой,
 За тобой, за тобой, за тобой, за тобой...

Вокзальное

Не молчи. Слова – они милосерднее,
 Чем родные наши вкупе с соседями,
 Я давно на волю Божью не сетую
 И удар держу – как подлинный дар.
 Вот иду одна – пропавшая без вести,
 Онемев от боли и неизвестности,
 А вокруг толпа, погрязшая в бедности –
 И души, и плоти. И никогда

Не поймут они, какого нечистого
 Головой о небо бьюсь так неистово,
 Никому уже не нужны истины
 Облекая в строки – не для красы...
 Мне стихи – не что иное, как выстрелы,
 И пускай простое кажется выпрненным,
 Но они как водка – горестно искренни,
 А трезвее мыслить – и не проси.

И пока собратья маются планами,
 Я дышу тобой – объятая пламенем,
 Обнажаю дно. Постигнуто главное:
 Легче выпить залпом, чем по глотку.
 Но цежу по каплям беды и радости.
 Мы с тобой распяты знаками равенства...
 Нет. Моими снами ты не отравишься.
 Я тебя в объятьях уволоку

В свой туманный мир, начертанный прописью,
 Где удел светила – редкие проблески.
 Обними меня – сегодня без робости,
 Над последней пропастью, осмелев.
 Где, закрыв глаза, по воле Всевышнего
 Мы шагнули вниз – и всё-таки выжили,
 Хоть сердца дотла прозрением выжжены,
 Но шагаем за руки по земле...

Самолётик бумажный

... И не виделись мы то ли сто, то ли тысячу лет.
Я ушла в пустоту, в невесомое небо – с разбегу,
А дорога моя, будто складка на бледном челе,
Пролегла бороздой по весеннему хрупкому снегу.

Сохранили уста опьяняющий приторный вкус,
Из распаханных снов обнажённая щерилась память...
Не пытайся жалеть, если жалость подобна плевку,
Не надейся бежать – содрогнётся земля под стопами.

Я твердила себе: «Что посеяла – то и пожну...»
И молитвы в себе заглушала – чертям на потеху.
Твой отчаянный зов разорвал пополам тишину,
Отозвавшись во мне многократно спасительным эхом.

Честь и слава тому, кто успел умереть молодым,
Но встряхнулась душа, от подлунного воя немея...
Я спешила к тебе. Корабли разбивались о льды,
Выгибались дугой поездов осторожные змеи,

Натыкались во мгле самолёты на ржавый закат –
Он в отместку шипы погружал в беззащитное сердце.
А глазницы домов угасали, кося свысока –
Ни намёка на свет, от которого можно согреться.

И сомкнулись пути. Даже воздух, казалось, искрился,
Измождённая ночь загоралась от нашего пыла.
Мы на миг приросли лепестками оборванных крыл...
Я остриглась, прости – седина на висках проступила.

И морщинки у глаз, и пустыня – в провалах зениц,
Ритуальные сто – на двоих, как бывало когда-то.
И кому-то из нас предначертано камушком вниз,
А кому-то – летать, и приказ не оспорят солдаты.

Неизбежную дань я простудой плачу декабрю,
Выдыхаю тепло с травянистой горчинкой микстуры,
По привычке ладонь пеленаю карманами брюк,
Чтоб руки не подать подлецу и предателю сдуру.

Не грусти обо мне – беззаботно иди до конца,
Улыбайся тому, кто проклятьем тебе не ответит.
А в моей голове, где рассудок – поверженный царь,
Только память о нас и весенний контуженный ветер.

И опять – между строк. В никуда. В тошнотворный покой.
Ты пока ещё верь, что внезапно столкнёмся однажды.
Я смогла бы на спор дотянуться до солнца рукой,
Но едва ли к тебе долетит самолётик бумажный...

О самом главном

Всё останется между нами –
Облака, океаны, небо,
Эти улицы, где я не был,
Перегруженные домами...

Всё останется, между прочим –
Оправдания и потери,
Расставания «без истерик»
И проверки любви на прочность,
Но о ней говорить не надо,
Если в сердце сидит заноза...
...Засыпая, уткнуться носом
В шелковистых волос прохладу
И пригладить рукой иголки,
И уже доверять – не верить,
Закрывать поплотнее двери,
Оставляя ключи на полке.

Не бояться идти на красный,
Но включать осторожность к месту,
И не маяться жаждой мести,
Выжигая себя напрасно.
Не бояться на сдутых шинах
Догонять, собирая камни,
И пропущенными звонками
Не наказывать без причины.
Сгоряча ни в себе, ни в Боге
Не выискивать недочёты,
Вмиг отбросить кресты и чётки,
Не ходить на чужие блоги,
Во вчерашнем не ставить прочерк,
Улыбаться и строить планы...

...Только, знаешь, о самом главном:
Всё останется – между строчек.

Предзимье

Простужено небо, слезится дождём,
 От мерного шелеста глохнет,
 Но каждый отважный для счастья рождён...
 Зимы поседевшие лохмы
 Касаются щёк, обнажённых висков,
 Назойливо ломятся в душу,
 А нас не достанут, а мы – высоко,
 Где солнце морозы не душат.

Уютная кухня, в стаканах – не чай,
 Горячая свежесть с подвохом,
 На нежность мою – не скупись – отвечай
 Бальзамом кокетливых вздохов.
 Колеблются тени фонарных столбов
 К луне безнадежно ревнуя,
 Последний солдат на войне за любовь,
 Я лаской тебя завоюю.

А ночь бесприютна, как цирк шапито,
 Всё временно – значит, и это...
 Но если наутро настанет потоп,
 Поднимутся два силуэта
 И гордо застынут, дрожа на ветру,
 Упрямо прижавшись друг к другу...
 Я горечь разлук поцелуем сотру,
 Сжимая горячую руку,

Ты только не выпусти – крепко держи
 К ладоням прильнувшее сердце,
 Чтоб тот, чья обязанность – судьбы вершить,
 Отчаявшись, мог бы согреться
 У пламени самой бесстрашной любви
 Ослепших от слёз менестрелей.
 Коварный ноябрь так обманчив на вид
 В попытке казаться апрелем,

Преемник его заряжает пращу,
 Планета – условно жилая...
 ... А если разлюбишь – я просто прощу,
 И счастья тебе пожелаю.

Сентябрь. Закат

Клепсида небесных широт,
 В ладонях – зыбучий песок,
 Созвездий тугая петля,
 Убежище с видом на осень.
 Горит на губах кислорода
 И так беззащитен висок,
 Снаряды пускаются в пляс,
 На листьях – предсмертная просесть...
 Пульсирует нервно вода
 Под пальцами южных ветров,
 Успеть бы прижаться к тебе –
 Как будто в преддверии взрыва
 Тревожно искрят провода,
 Вдуваются вены дворов,
 И город молчит, как Тибет,
 А солнце – летучая рыба –
 Безропотно бьётся о лёд,
 В агонии мечет икру,
 Изодраны в кровь плавники
 Обуглены нежные жабры.
 И прерван последний полёт,
 И воздух отечески груб,
 Отчаянно жгу дневники
 На углях вселенских пожаров,
 Но времени веретено
 Прядёт бесконечную нить,
 Молитвы предельно просты
 В последнюю ночь перед казнью.
 Я падаю камнем на дно,
 Усохли терновые дни,
 Исчерпан лимит на кресты
 И путь на Голгофу заказан.
 О, Господи, только не дай
 Сломаться в неравном бою,
 Остаться на этой войне
 Посмешищем для новобранцев.
 Наверное, песня не та,
 Но я всё равно допою,
 Чтоб стать неудобной вдвойне
 Пророкам, успевшим завратиться.
 Кровавый закат сентября,
 Устало поник циферблат,
 Земля – словно брошенный дом,
 Окутанный тихой печалью.
 Стежками – подкожная рябь,
 Нехватка живого тепла...
 А хочешь, мы просто уйдём,
 И всё повторится сначала?

Не слушай...

Умоляю, не слушай того, кто тебя предаёт,
Кто шипит за спиной и плюётся отборнейшей грязью...
Обработаны раны прозрением – щиплет, как йод,
Расползлись по углам утешители – больше не дразнят.

Обо мне не расскажут хорошего – и не мечтай,
А плохое сама распишу – достоверно и в красках.
Только пальцы изранены в кровь рукоятью меча
И обмякла душа, неосознанно требуя встряски.

Я кругом виновата – «Титаник» пустила ко дну,
Разбудила Везувий, угробила всех динозавров,
Охладила Гольфстрим... Неужели, оставишь одну –
Виноградной слезой омывать беспросветное завтра?

Я оставила гордость у самой последней черты,
За которой уже не зазорно вставать на колени,
Но твои корабли прибывают в чужие порты,
А мои – на мели, безуспешно сражаются с ленью.

Хладнокровие – блеф, если сердце распахано сплошь,
Оклеветана совесть – и всё же чиста, без осадка...
На окрестных полях колосится ядрёная ложь:
Одному тошнотворна, другому – покажется сладкой.

Любопытных «друзей», что желают насильно добра,
Обхожу стороной, сокровенное пряча поглубже –
Посылаю к чертям, ни один из которых не брат,
Сторожу облака и ботинками меряю лужи.

С каждым вдохом слабею. Прости – я уже не могу...
Учащается пульс, но удары – всё глуше и глуше...
Согреваю любовь мимолётным касанием губ,
Исступлённо шепчу: «Никого, умоляю, не слушай!...»

Напутствие

Ты мечтай – под простуженным питерским небом,
В лабиринтах дворов и вагонов метро.
Прагматичным ханжам покоряться нелепо –
Слаще участь глупца, наломавшего дров.

От горластых борцов за стабильность и трезвость
Отбивайся строкой, беспристрастность – не в счёт.
И знакомый Пегас, белокрылый и резвый,
Заглянув на часок, рифм нашепчет ещё...

Озорной менестрель – пессимистам не пара,
Чей мирок – полигон, заколоченный тир...
Выживает мечта и в прокуренных барах,
И в медвежьих углах коммунальных квартир.

Умоляю, мечтай – вдохновенно и дерзко,
Доверяясь тому, с кем созвучна душа.
А дорога – длинна, и на каждом отрезке
Всё труднее бежать, всё натужней дышать...

Если мир норовит опустить на колени –
Ты на звёзды ложись, что упали к ногам.
Онемела струна от уютного плена?
Становись на крыло – и лети наугад.

Если больно – кричи, если грустно – печалься,
Лишь уныние – грех, недозволенный плод.
В жизни каждый из нас хоть однажды прощался –
И учился прощать, отпуская с теплом.

Декламируй стихи, улыбайся прохожим,
Признавайся в любви поездам и мостам.
Все поэты Земли друг на друга похожи –
Не любители всё расставлять по местам.

Мы порядок зовём надоедливый бредом,
А достаток – не наш кровожадный кумир.
В бескорыстных руках, что любовью согреты,
Оживают сердца и вращается мир.

С тем, кто предан тебе, выпей полную чашу,
Кто хоть раз предавал – из друзей вычитай.
От покровов земных отрывайся почаще,
И снежинки лови, и, как в детстве, мечтай...

Искателям правды

На арене – судьба ... Ах, какие кульбиты!
И не дрогнет рука, не качнётся карниз,
И вращается мир всё по той же орбите –
То ли просто завис, то ли падает вниз ...

Я к нему приросла – по-иному не будет,
Остановок в пути никому не дано,
Мне навстречу спешат полусонные люди,
И врываются в жизнь, будто ветер в окно.

Закипает слеза и прозрение душит,
Обжигает глаза неподкупная высь ...
Объясни, для чего так настойчиво – в душу?
Хорошо, загляни – только, чур, не сорвись.

Сколько нужно прожить, чтобы память окутать,
Будго прочной бронёй, километрами лжи?
Но не надо срывать запылённые путы,
Своевольно ломать не свои рубежи.

Я отвечу сполна и за каждое слово,
И за каждый в груди вызревающий звук,
Ну, а вы, господа – неужели, готовы
Даже тайные сны подсмотреть наяву?

Я пою о любви без утайки – берите,
Бескорыстно себя по строке раздаю,
Омывая струну в исцеляющем ритме,
Что меня воскресил в безнадежном бою.

Вам любовь ни к чему. Вы увязли в исподнем –
Имена, адреса, беззастенчивый суд ...
Если песни мои не услышат сегодня –
Может, завтра они хоть кого-то спасут.

У постельных клопов – ядовитое жало,
И вдогонку летит лицемерный галдѣж ...
Я прощаю друзьям их нелепую жалость,
Искушая свою безобидную ложь.

И утратило власть обаяние лести,
И метатель камней весь истѣк правотой ...
Но когда допою предпоследнюю песню –
Не спешите рыдать, объявляя святой.

Прости...

Прости – за каждый выдох не с тобой,
За каждый вдох, растраченный впустую.
А завтра – может быть, последний бой.
А завтра... Неумело протестую,

И снится мне ночами, будто я
Губами по щеке скольжу бессильно.
Невыносима тяжесть бытия,
И лёгкость забытья невыносима.

Прости меня – за выстрелы впросак,
Вернее, раздвоение прицела,
За ветер в безответных парусах,
За почву под ногами, что просела.

Не бойся – я сумею удержать,
Но в каждом жесте, в каждом нашем взгляде
Отчаяние беглых каторжан.
Мы – пленники нелепого уклада.

Взорвать бы всё ненужное к чертям!..
По воздуху бежать – не от судьбы ли?
А где-то есть последняя черта,
Которую давно переступили.

Разбиться о застывший горизонт,
Прерывисто дышать – как дышат рыбы.
И сколько на двоих запретных зон
Мы вскрыли, словно старые нарывы?

Не нужно говорить. В наборе фраз
Осадок и вода – как в чашке чая.
Я снова попадаю через раз,
И промахи ничуть не огорчают.

Молитвы во хмелю, кабацкий блюз,
По чёрному надежда пишет белым...
Прости меня – за позднее «Люблю!»
Я счастлива, что всё-таки успела.

Когда мы умрём...

...А когда подкрадётся старость, мы уснём на одной постели,
И в одно возвратимся небо, отдавая долги земле.
И не сможем гулять под ручку, чтоб водители вслед свистели,
Забывая о том, что полночь, и обеим – немало лет.

Только это ещё не скоро, а пока – наслаждайся мартом,
И бессонницей всех влюблённых – острой жаждой писать стихи.
Мне бы просто немного боли и в награду – немного фарта.
На Крещатике – многолюдно. Подворотни его – тихи.

В подворотнях – бездомный ветер, сговорился, видать, с Минздравом,
Не даёт закурить, паршивец. Прижимаюсь к твоей груди.
Целоваться в чужом подъезде – это наше святое право,
Ты меня обними покрепче, и у прошлого укради.

И уже не осталось места ни привычке, ни дикой страсти.
Безусловно, в глазах прохожих мы давно потеряли стыд.
Изучаю на ощупь город и вырастаю в его контрасты,
Становлюсь агрессивно-нежной, а слова – как слеза, чисты.

Я тебе говорю «спасибо» за возможность поверить в чудо,
За счастливую невесомость после года сплошной зимы.
В этом доме принципиально разрешают не мыть посуду,
Неустроенность – есть порядок, и его утвердили мы.

...А когда подкрадётся старость, будут звёзды на небе те же,
Только станут взрослее дети – и споют веселее нас.
Я прошу, ни о чём не думай. Доверяйся своей надежде,
И тогда после нашей смерти на планету придёт весна.

Урбанистическая полифония

*... По-хорошему – поздно: меняться, менять,
Значит, к лучшему даже, что выхода нет.
Если вечность по строкам процедит меня,
То кровавый осадок свернётся на дне.
Так легко по заточенным граням стекать,
Обнажаясь до сути при сытой толпе.
Я себя по частям раздала в стихах,
И остался глоток. Если хочешь – допей.*

Елена Лазарева

Дождь в январе

Дождь в январе беззастенчиво театрален –
Звонкую дробь выбивает, впиваясь в мозг.
Боги Земли околели в своём астрале.
Неба изгиб ненадёжен, как ветхий мост.

Город висит ускользящей голограммой.
Окна домов – будто в полночь огни болот:
Там на обед поедают чужие драмы.
Там на десерт прерывают чужой полёт.

Видишь ли, брат, по-другому уже не будет:
Сети плетёт синтетический сытый рай.
В нём я смешон – одинокий промокший путник...
Не приговор, что планета уже стара,

В моде цинизм – оттого притупились чувства.
Мысли – свежи, как больничная простыня.
Здесь ремесло почему-то зовут искусством.
Ты – не игрок, Одиссей в четырёх стенах.

Время – вода. И могло очищать когда-то.
Нынче оно равнодушно, как зимний дождь.
Память – слепа. Вытирает на ощупь даты.
Совесть – скупа. Но приходит, когда не ждёшь.

Дождь по щекам – как до крови по струнам пальцы.
Дождь по губам исступлённо – молчи, молчи!
Правда – крючок. Ты уже на него попался.
Прячься в тепло, только свет не забудь включить.

Глядя в глаза незнакомцу из зазеркалья,
Стань до конца откровенным хотя бы раз.
Главный ответ мудрецы до тебя искали.
Главный вопрос – ты себе задаёшь сейчас.

И никуда от себя самого не деться,
Слёзы – не грех, и не повод бежать в толпу.
Дождь в январе – заведённый хронометр сердца.
Остановись – чтобы после продолжить путь.

Не пишется

Старею. Морщины ползут по лицу не спеша.
Не пишется. Не говорится. Устала душа.
И только любовь, принесённая вечной весной –
Со мной навсегда. Я кричала бы небу: «Постой!»

Но небо уходит. Уходит в иные края.
В моей стороне засыпают под грузом вранья.
Так сладко тому, кто враньё не считает грехом.
Бессонницей маюсь. Из памяти лица врагов

Смываются болью. Иначе – на сердце клеймо.
А сердце – оно для любви. Для печали немой.
Не пишется. Лучше б не слышалось. Но голоса
Всё громче. И кто-то вокруг продолжает плясать.

Неистово. Чтобы забыться. Забыться. Забыть.
Я вижу насквозь. И от этого даже знобит.
Не хочется верить ослепшим от мрака глазам.
Осипшей от крика гортани. Ни шагу назад.

Ни шагу на запад. На запах. На затхлую твердь.
Меня утешают – мол, это так надо. Ты верь.
Не верю. И лают собаки. Застрял караван.
И бывшие братья – то в драку, то просто – «в дрова».

Хотелось бы плакать. Напиться. Свалиться без чувств.
Которые сутки не брежу, а только лечусь.
Не пишется. Даже не дышится – хоть расшибись.
И баба в метро вдохновенно толкует «за жизнь».

Поэт, говорят, бесподобно живучая тварь.
Ну, вот и аптека. И даже горящий фонарь.
Но, Господи, эта сансара – прости, не по мне.
И время уже отказаться от сбора камней.

И катится – прямо по катету – мир-колобок.
Не в пятую точку – так около. Видишь ли, Бог...
Когда засыпает она у меня на плече,
Вселенная – наша. И нас не достанешь – ничем.

**Урбанистическая полифония.
Рождественский концерт для внутреннего голоса
с оркестром**

I

Когда с небес летит картечь
И маскируется под пух,
Я не хочу случайных встреч,
Я уношу себя в толпу,

Чтоб незаметно проскочить,
Как не ручной ничейный зверь,
Нащупать чёртовы ключи,
Нырнуть в спасительную дверь,

Туда, где зыбкое тепло,
Уютный чайник на плите,
Где мир как будто бы не плох,
Но всё равно вокруг не те...

Где необжитые углы
Гостеприимнее домов...
...Когда зимы седая глыба
Уничтожает едкий смог,

И легче дышится – слова
Всегда особенно горчат.
Спешу себя не узнавать
И – познавать. Не мой причал,

И даже лодка не моя.
Враждебно море. Волны. Шторм.
А вдалеке – горит маяк...
Я задвигаю створки штор

И, занавесив зеркала,
С душой своей наедине
Ищу ответы. Вот скала
Грозит погибелью. На дне

Едва ли выход я найду.
Приходят истины во сне,
Танцуя медленно на льду.
И только ночь. И только снег...

II

Ночью всё иначе, ночью гуще тени,
Ночью громче звуки, чётче голоса.

Ты не жди ответа, всё твоё смятенье –
Горечь от похмелья. Лучше полистай

Мудрость сетевую – там тебе откроют
Главные секреты жизни без забот.
Как тебе личина модного покроя?
Надевай скорее, непокорный бот.

Не сопротивляйся – всё уже решили
В самой тайной ложе где-то наверху.
...И ещё немного сладостных страшилок –
Про паденье нравов, кровь и трепуху.

Что тебе до истин? Что тебе до Бога?
Оглянись, наивный, на других людей.
Все вокруг – уроды. Всё вокруг – убого.
Бред стихов – навязчив. Бред чужих идей –

Идеальный спутник эффективной жизни
Винтика, песчинки, верного раба.
Посмотри, безумец, на свою Отчизну –
Без излишних мыслей проще прозябать.

Набивай утробу мозга жидкой кашей
Перетёртых правил. Пей «Новопассит».
Бог тебе покажет, Бог тебя накажет,
Упокоит с миром, а потом простит.

Упакует быстро в яркую обёртку,
Воссияет солнце лампой на сто ватт.
Будешь благодарен за Господню порку,
Чтобы неповадно было восставать.

Ишь, чего удумал! Может, манны с неба?
Вот тебе расплата за ноябрьский зной!
Не дыши. Расслабься. Будет много снега,
Очень много снега нынешней зимой...

III

А в детстве снег и чище, и белей.
И Дед Мороз – не с голосом соседа.
Язвительная ведьма на метле
Ведёт с метелью умную беседу...

А в детстве не боишься сам себя,
И с горки вниз – на санках – не боишься.

Сугробы чистотой глаза слепят,
Январский день – для размышлений пища:

Откуда это чудо, этот снег?
Одной водой здесь обошлось едва ли...
И волшебство является во сне.
И даже то, что в школе задавали,

Не убеждает. Где-то впереди
Твой личный опыт поиска ответов.
Ты – скрытен. Не по-детски нелюдим.
Тебя боятся взрослые и дети,

Зато собаки, птицы и коты
Общаются на равных – без опаски.
И тайна – та, что знаешь только ты –
В одно мгновенье погружает в сказку.

В торжественном безмолвии полей
Читаются вселенские вопросы...
...А в детстве снег и чище, и белей,
Но ты стремишься стать скорее взрослым...

IV

Спи, чужой любимый город.
Спи, родной враждебный край...
Ночь. Метель берёт за ворот –
Завлекает в снежный рай.

Словно дыры, светят окна,
И змеится мишура.
Мне сегодня одиноко –
Впрочем, так же, как вчера.

Кто сказал, что это плохо –
Тет-а-тет с самим собой?
В Интернете скачут блохи.
Наяву – собачий вой.

Как сложилось – так и надо.
Что свершилось – то и есть.
Чей-то дьявол носит «Прада»,
Чей-то ангел ценит лесть.

Ты один – как будто изгнан,
Просто выброшен в себя,

Опьянённый вкусом истин.
Тишина. Соседи спят.

Спят усталые игрушки
Сильных мира. Слёзы. Смех.
Мой зиндан давно разрушен.
А руины скроет снег...

V

Ты звал меня, город? Я знаю, ты звал.
Наверное, бегство всегда неизбежно,
Когда на лету замерзают слова,
А зимы становятся адски бесснежны.

И пыльные свитки – стихи, не стихи,
Расхожие фразы и слёз половодье.
И жаждешь... Не то, что разгула стихий –
Хотя бы подобия Нового года.

Домой пробираешься тихо, как вор –
Дай Бог, не пробудится кровное лихо.
И сам беспощадно себе приговор
Выносишь. Степная метель-куркулиха

Сметает последний дырявый покров
С озябшей земли. Всё настолько постыло,
Что пальцы немеют, стираются в кровь,
А строки разят нафталиновым – «было»...

И свыше – пинком – посылается знак:
Мол, хочешь загнуться? Да флаг тебе в руки!
И ты впопыхах собираешь рюкзак:
Тетрадка стихов да походные брюки,

И снова в дороге. И Бог – не судья,
Когда ты себе самому подсудимый.
Душевные раны свежи и саднят.
Но чувствуешь – бездна пронесится мимо.

VI

Ну, чего ты приплёлся? Чего тебе надо ещё?
Говорят же – билеты закончились. Рай переполнен.
Здесь таких самозванных пророков – на рубль пучок!
...Но заманчиво перед глазами колышутся волны.

Не имеет значения, верно ли выбран маршрут
И попутчики. Время любого проверит на прочность.

А статисты везде одинаковы – гадят и жрут,
И безудержно липнут к тому, что мертво и порочно.

Значит, место твоё – не в комфортном и затхлом углу.
Значит, слово твоё – не пустое, не общее место.
Только сладость полёта – по сути, движение вглубь.
Ты пощады не ждёшь, но уже не боишься возмездий.

Говорят, в старину возводили таких на костёр...
Что ж, знакомы тебе пепелища и голые камни.
Пусть доспехи давно проржавели, но меч твой – остёр,
И дрожит за кулисами Богом направленный Каин.

Что ты знаешь о жизни? Да всё – и почти ничего.
Что ты знаешь о боли? О боли, наверное, много.
И впивается жало тоски в раскалённый живот,
И ступень, где невольно споткнулся, запомнили ноги.

В чём, по-твоему, правда? Туда, где тебе хорошо,
Поезда не идут. Не летят самолёты и птицы.
Что ты ищешь, бродяга? Ау?! Неужели, нашёл?
...Только снег иронично-изящно над миром кружится.

VII

Постепенно, по запчастям,
Собираешь себя – бывает...
И – сплошные руины. Хлам.
Вместо прошлого – отбивная.

Настоящее – белый снег.
Ни следа. Ни одной морщинки.
И становится всё тесней
В тёмной комнате. Беззащитно

Из-под кожи душа глядит,
Измождённая, но – живая.
Из окна – неприглядный вид,
И простёгано небо швами

Голых веток. Зима... Зима...
Возрождение после смерти.
Ты отнюдь не сошёл с ума,
И тебя не побрали черти.

Очищение пустотой.
Восхождение на вершину.
И никто не кричит: «Постой»,
И на сердце – легко: свершилось...

Ты пришёл к самому себе.
Нет, явился к себе с повинной.
Позади – суетливый бег,
И разорвана пуповина.

Всё проходит... И это? Стоп.
Настоящее – не проходит.
И стихи, что с пометкой «в стол»,
Не сойдут за прогноз погоды.

Будет горше. Острей. Честней...
В рюмке пусто. Дотлея окурок.
Как по нотам, ложится снег
На затёртую партитуру.

VIII

Ёлки-палки... А сколько наломано дров –
На две тысячи зим бы хватило с лихвою...
Не спасает коньяк. Но спасает метро.
Переходы пропахли рождественской хвоей.

Из себя ты выходишь на улицу вдруг –
Так с постели встают после долгой болезни,
Замыкаешь торжественно пройденный круг,
А ревизия ценностей – опыт полезный.

Для тебя самого всё давно решено –
И не здесь, не сейчас, но единственно мудро.
Истончённый пунктир продолжая сплошной,
Ты без боли приветствуешь новое утро.

Сожаления нет. Покаяния нет.
И не будет, но это – сознательный выбор.
Не участвовать в пышном параде планет.
Не ворочать с восторгом сизифовы глыбы.

Ты отважился что-то в себе изменить,
В кружевное полотнище юной Вселенной
Своевольно вплетая блестящую нить,
И твоё хулиганство – по сути, нетленно.

Осознание действия придёт по весне.
Крест на фоне рассвета покажется плюсом.
...По-хорошему пафосно падает снег –
Будто занавес в зимнем театре иллюзий.

Небо...

Обними меня, синее, синее, синее небо.
Обними и останься, останься, останься со мной...
Слово «детство» пропитано запахом свежего хлеба.
Слово «память» не пахнет ничем – даже нашей весной.

Отпусти же меня, если хочешь, прости, если можешь.
Мы уже не солдаты, а так – самозванцы любви.
Кто сказал, что сердечные раны не лечатся ложью?
Обмани же меня, и упрямо под крышей лови.

Я с дождём подружилась давно, и промокшие крылья
Не мешают полёту – не вздумай меня провожать.
Покидая твой дом, я нарочно окно не закрыла,
Чтобы ты без меня ни на миг не устала дышать.

Позови меня, синее, синее, синее небо.
Позови, как зовут по домам загулявших детей...
Улетаю туда, где никто до меня ещё не был,
И тоскует земля, и продрогла земля до костей.

А наутро опять возвращаюсь, и сонные птицы
Разлетаются стаями – птицам понять не дано:
Если небо не снится – и мне до рассвета не спится.
Размыкаю ресницы, напротив – пустое окно.

В том окне отражается синее, синее небо,
И сочится холодная свежесть из узких щелей.
Подставляю ладони и грудь, и опомниться мне бы,
Но взамен у земли – только сырость созревших полей.

Поднимаюсь над городом спящим – и чувствую вечность,
Чью креплённую терпкую горечь не спутать ни с чем.
И знакомым до слёз фонарям улыбаюсь беспечно,
И рыдает озябшая ночь у меня на плече.

Ты ревнуешь меня к высоте, что не так уж нелепо –
Я за это вплету твоё имя в живую петлю.
Полюби меня, синее, синее, синее небо –
Без осадка на донце земли, как тебя я люблю...

От составителя

Буду откровенной. С творчеством талантливого киевского поэта Елены Лазаревой (дончанки по происхождению) знакома давно. Однажды, в процессе чтения, меня больно резанула фраза: «Только, пока не изгнана, / Буду грешить неизданным – / большего не дано». Эти строки и стали побудительным мотивом для работы над изданием её книги.

Было бы неправильным писать что-либо о стихах Лазаревой. Их нужно читать. О событиях своей жизни, мыслях, переживаниях Елена искренне и открыто расскажет сама. В полный голос. Нельзя не заметить только, что безграничного уважения и даже удивления заслуживают гражданское мужество и стойкость этой маленькой хрупкой женщины, смелая, бесстрашная рассудительность и горячая убежденность в своих воззрениях. В обстановке агрессивной нетерпимости, сложившейся ныне на украинской земле, ей удастся сохранить не только трезвый ум, волю, но и недоступную иным человечность – человечность истинную. Потому что главное для Елены – не пиар «во время чумы», а чувство, на которое способны далеко не все: «Любовь – лишь пустое слово, / Когда не дано любить». А Елене дано любить отчаянно – и отечество своё, и свои корни, и родной язык и культуру, и близкого человека, и дальних друзей...

Что пожелать автору? Быть востребованным на родине в своей основной профессии честного журналиста. Обрести издателя для написанного ею замечательного фантастического романа – настоящего добротного литературного произведения. Ещё хочется пожелать – покоя во вне и мира внутри, в душе, больше стихов «в ритме счастья», хотя она весьма профессионально справляется с любыми ритмами.

В книге «В полный голос» собраны стихи разных лет: от ранних романтических настроений до философского подведения итогов последних дней. Уверена, поэзии Елены Лазаревой предстоит долгая жизнь – интерес, одобрение и признание читателей.

Содержание:

Онеглавном	3
Киевское.....	4
О неглавном.....	5
Осень.....	6
Три десятых.....	7
Судьба поэта.....	8
Чёрный тюльпан.....	9
Транзит.....	10
Дорога.....	11
Кредо.....	12
P.S.....	13
Одиночество.....	14
Дочери.....	15
Путь.....	16
Закат Вселенной.....	17
Монолог очевидца.....	18
Черта	19
Стихи о конце света.....	20
Паническая атака.....	21
Eric fail.....	22
Разгадка.....	23
Вчерашним.....	24
Черта.....	25
Моё.....	26
Поминальное.....	27
В прошлом году.....	28
Монолог старого башмака.....	29
Соло.....	30
Правила выживания.....	31
Ересь.....	32
Передоз.....	33
Не пиар.....	34
Повелителю блох.....	35
Небесная строевая.....	36
Расстояние.....	37
Утречко.....	38
Инферно.....	39
Моя молитва.....	40
Не прощай.....	41
Дао смертника.....	42
Вмеждумирье	43
Ревизия.....	44
Реки.....	45
Примазавшимся.....	46
Дети грибов (Письмо).....	47

Марь Иванна.....	48
«Не дай мне, Господи, пойти...».....	49
Русский путь.....	50
Предпасхальное.....	51
My Neverland.....	52
Амнезия.....	53
Выход.....	54
Батискаф.....	55
Нирвана.....	56
Рассвет.....	57
Королевская история.....	58
В обратной перспективе	59
Лебединая песня.....	60
Счастье моё.....	61
Точка отсчёта.....	62
Август.....	63
Романс.....	64
Исповедь.....	65
Чистосердечное признание.....	66
Опасный полёт.....	67
На обочине мира.....	68
«Мне маленькое кажется большим...».....	69
Крымская ночь.....	70
В ритме счастья.....	71
Хочется жить.....	72
Два часа.....	73
Самолёты (Аэрофобия-2).....	74
Тоскую.....	75
За тобой.....	76
Вокзальное.....	78
Самолётик бумажный.....	79
О самом главном.....	80
Предзимье.....	81
Сентябрь. Закат.....	84
Не слушай.....	85
Напутствие.....	86
Искателям правды.....	87
Прости.....	88
Когда мы умрём.....	89
Урбанистическая полифония	87
Дождь в январе.....	88
Не пишется.....	89
Урбанистическая полифония. Рождественский концерт для внутреннего голоса с оркестром.....	90
Небо.....	96
От составителя.....	97

Елена Лазарева
В ПОЛНЫЙ ГОЛОС

Составитель и редактор: Татьяна Брагина
Корректор: Марагарита Пономарева
Технический редактор: Анастасия Семилетникова

Подписано в печать 15. 02. 2016
Гарнитура Arno Pro, Franklin Gothic
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж экз. 200
Отпечатано в типографии «Гамма»
СПб, наб. Обводного канала, д. 87